

стиль

мужчины

В сезоне весна-лето

Революции меняют цвета, фасоны
И даже вождей

с. 26

Революционный май

Бунт снова входит в моду
Быть мужчиной теперь значит
слыть бунтарем

OMEGA

OUR VISION. ЧАСЫ, ДАРЯЩИЕ ЗРЕНИЕ.

OMEGA и посланник марки Дэниел Крейг оказывают поддержку международной организации ORBIS и ее проекту Flying Eye Hospital (офтальмологический аэрогоспиталь), направленному на лечение предотвращаемой слепоты. Часы OMEGA Hour Vision Blue были выпущены специально для участия в проекте этой выдающейся организации, ведущей деятельность по предотвращению глазных болезней в ряде отдаленных и развивающихся регионов мира.

Москва, ГУМ • Санкт-Петербург • Екатеринбург

CANALI

Москва

ул. Тверская 26, Тел. (495) 937-0076
ул. Покровка 44, Тел. (495) 917-0047
Кутузовский пр-т 48, Тел. (495) 641-1295
Трубная площадь 2, Тел. (495) 229-0175

52
стр.

ТЕНДЕНЦИИ / БУНТ

| 12 Революция — в моде

Михаил Зыгарь
о том, как арабская непокорность меняет мир *luxury*

| 16 Революционная «тройка»

Григорий Ревзин
о том, почему товарищ Сталин не носил желтой блузы

| 20 Товар лицом

Михаил Трофименков
о кубинской революции — привлекательной, потому что сексуальной

| 22 Красная весна

Михаил Трофименков
о том, что при Мао коммунизм взял эстетику, как при Ленине — почту и телеграф

| 24 Соцсказка вместо соцреализма

Михаил Трофименков
о том, что в Северной Корее все как в кино

| 26 Левые кадры

Андрей Плахов
о том, что идеологическое кино нынче снимают не по приказу

| 28 Восстание плоти

Михаил Трофименков
о том, как революционеры превратили секс в политику

| 30 Бунтари на показ

Леся Михайловская
о том, кого только не встретишь на подиумах

| 38 От рассвета до Засара

Илья Нагибин
о всемирно-исторической роли рома

| 39 Маленькая «Победа»

Екатерина Истомина
о ювелирке Дмитрия Гуржия

| 40 Пахнет порохом

Екатерина Истомина
о духах с революционным оттенком

| 41 Советский космос

Алексей Кутковой
о «Луноходе» Константина Чайкина

| 42 Хрупкость социализма

Екатерина Истомина
о фарфоре Игоря Клименкова

| 43 Рэйволюция

Юрий Яроцкий
о том, что антибуржуазная музыка лучше продается

| 44 Против стрелки

Алексей Кутковой
о часовых революционерах

| 46 Дорогие репликаны

Юрий Хнычкин
о второй люксовой жизни народных автомобилей

| 49 Логово бунтаря

Екатерина Истомина
о вилле Фельтринелли на озере Гарда

| 50 Серпы, молоты и молотки

Татьяна Маркина
о продажности пролетарского искусства

| 52 Культ личности

Алексей Тарханов
о дизайне коммунистического Китая

| 54 От «Капитала» до будуара

Лиза Новикова
о партийной дезорганизации в партийной литературе

ГАРДЕРОБ / БУНТАРИ

| 33 герильос

| 34 матрос

| 35 профессор

| 36 банкир

| 37 хиппи

генеральный директор *демян кудрявцев* | шеф-редактор *азер мурсалиев* | главный редактор неделовых изданий *елена нусинова* | дизайн-проект *анатолий гусев* | главные редакторы *екатерина истомина*, *алексей тарханов* | текст-редактор *мария мазалова* | главный художник *дмитрий гусев* | бильд-редактор *светлана шаповаленко* | выпускающий редактор *наталья ковтун* | корректура *елена вилкова* | верстка *константин шеховцев*, *дмитрий шнырев*, *марина мединская* | директор объединенной службы рекламных продаж *валерия любимова* | дирекция по рекламе: отдел продаж *надежда ермоленко ermolenko@kommersant.ru*, отдел размещения *наталья чупахина chupahina@kommersant.ru* (499) 943 9108, (499) 943 9110, (499) 943 9112, (495) 101 2353
Учредитель ЗАО «Коммерсантъ. Издательский Дом». Адрес издателя и редакции: 125080 г. Москва, ул. Врубеля, д. 4.
Журнал «Тематическое приложение к газете «Коммерсантъ» зарегистрирован Роскомнадзором, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-38790 от 29.01.2010 г.
Отпечатано в Финляндии. Типография «Сканвеб АБ». Корьяланкату 27, Коуволла. Тираж 75 000 экз. Цена свободная

МОСКВА

гум, красная площадь, 3
петровский пассаж, ул. петровка, 10
весна, ул. новый арбат, 19

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

невский проспект, 11

САМАРА

ул. куйбышева, 133

ЕКАТЕРИНБУРГ

проспект ленина, 25

НОВОСИБИРСК

вокзальная магистраль, 19

WWW.BOSCO.RU

+7 (495) 660 0550

ЕТРО

СЛОВА РЕДАКТОРОВ

Мир. Труд. Май

Гораздо лучше было бы, если бы все революции происходили в мае. Ценность майских праздников несравнима с промозглым революционным ноябрем. Они так удачно совпадали с приходом в Москву настоящей весны. Первомай — это ведь не только демонстрация по разнарядке, это смена наряда, это долой пальто и да здравствуют короткие юбки, это чистая улица, это весеннее солнце и избыток цвета, по которому все так соскучились за зиму. Цвет, правда, был преимущественно красный, но и с этим можно было смириться.

А в этом, как говорится, сезоне революция раскрашена в тона национальных флагов Ближнего Востока, а они, пожалуй, понаряднее, поцветнее, поразнообразнее. Только не надо завывать на ту тему, что революция для нас — это какое-то декоративное искусство. В этом и состоит одно из достоинств революций, приносящих с собой новую эстетику и новую моду. Свобода приходит нагая, это точно, но потом она непременно оглядывается по сторонам в поисках во что бы ей приодеться.

BOSS
HUGO BOSS

S E L E C T I O N

46

СТР.

КРАСНЫЙ ЦВЕТ

был цветом революции,
а стал любимым цветом
автомобильных дизайнеров.
Именно в этом лучшем цвете
предстает новый Fiat 500,
напоминающий нам о шедеврах
итальянского автопрома
и итальянского кино

Bosco & Ligei
FAMILY

МОСКВА

гум, красная площадь, 3
петровский пассаж, ул. петровка, 10
весна, ул. новый арбат, 19

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

невский проспект, 11

МИЛАН

виа манзони, 25

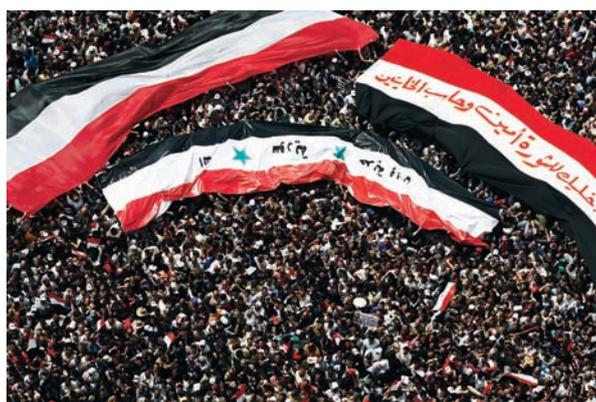
www.kenzo.com

KENZO

Революция входит в моду

Арабская непокорность меняет мир luxury

Михаил Зыгарь |

АРАБСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
ВЫКРАШЕНА В ЦВЕТА
ЙЕМЕНСКИХ, СИРИЙСКИХ
И ЕГИПЕТСКИХ ФЛАГОВ

В АРАБСКИХ РЕВОЛЮЦИЯХ вообще нет героев, нет лидеров, нет узнаваемых поп-культурой лиц. У глянцевого сына Каддафи нет никакого визави по ту сторону баррикад. Арабский Че Гевара обезличен — он растворился в Twitter

НА БЛИЖНЕМ Востоке начался сезон революций, — это уже очевидный факт. Эпидемия арабского протеста — крайне заразная болезнь, которая передается не только воздушно-капельным путем через телеканал «Аль-Джазира», но и через социальные сети. Пусть даже российский вице-премьер Игорь Сечин полагает, что эта болезнь изначально была занесена в арабские умы хитроумным руководством Google, но это уже неважно. Важно, что теперь это надолго. Арабский мир будет болеть протестом еще не один год. За Тунисом, Египтом, Ливией, конечно же, последуют другие.

Последствия арабских революций наверняка почувствуют на себе даже те, кто напрямую не связан с Ближним Востоком. Революционная лихорадка уже всколыхнула нефтяной рынок, рынок вооружений или зерна, и это естественно. На очереди — индустрия моды. Свержение арабских диктаторов может стать концом эпохи роскоши. Пресловутые арабские шейхи со своими миллионами еще вчера были респектабельными персонажами светской хроники. Но будут ли они ими завтра — большой вопрос.

До бойни в Ливии дети полковника Каддафи были любимцами мирового глянца. Его дочь Аиша блистала на модных показах, сын Саади имел славу любителя и знатока итальянского футбола и даже пытался играть за топовые клубы (за собственные деньги, правда), а сына Сейф-уль-Ислама и вовсе принимали в лучших домах Европы и Америки в качестве наследного принца Ливии со всеми вытекающими почестями. Ливийские вечеринки в Канне, Венеции и Монако были таким же обычным делом, как, скажем, русский кутеж в Куршевеле.

Начало войны в Ливии стало для всех сюрпризом. Самые экзальтированные звезды вроде Шакиры и Нелли Фуртадо стали со стыдом признаваться, что пели в шатре у Каддафи и получали от него кровавые миллионы. Менее чувствительные персонажи хотя от денег отказываться и не стали, но предпочитают лишний раз не помянуть о знакомстве.

Тень Каддафи уже пала на остальных арабских звезд. Вчера еще иорданская королева Рания считалась иконой стиля, арабской Одри Хепберн, — сегодня вряд ли уважающий себя западный глянцево-журнал осмелится поместить на свою обложку жену тирана, разгоняющего мирные демонстрации.

Под ударом оказалась светская легитимность бесчисленных саудовских и кувейтских принцев, египетских олигархов и ливанских банкиров. Вчера они были всего лишь странными людьми со странными манерами, странным акцентом и миллионами, оправдывающими все их странности. Сегодня репутация каждого подмочена революциями. Ставки повышаются — теперь, чтобы быть принятым в приличное общество, недостаточно быть богатым арабом. Надо еще доказать, что на родине ты или твои родственники не расстреливают демонстрантов и не сажают в тюрьму блогеров. Тот факт, что на свадьбу принца Уильяма по протоколу были приглашены представители королевских семей Саудовской Аравии, Бахрейна и Арабских Эмиратов, уже стал причиной большого скандала в Лондоне. И хотя приглашения были разосланы еще до начала сезона революций, теперь очевидно, что арабских принцев на свадьбе уже не ждут. И в Букингемском дворце ломают голову над тем, как бы на-

Чарли Сиём, скрипач:

Моим девизом служит слово «Освобождение». Этот девиз выгравирован на кейсе моей скрипки. Очень часто Вы напрягаетесь до предела, пытаетесь достичь совершенства во всех своих начинаниях, даже самых незначительных. А в итоге, распыляясь, не получаете ровным счетом ничего. Сосредотачиваясь на какой-то одной

задаче, Вы достигаете наивысшего результата, так как целенаправленно расходуете свою энергию.

При этом я достаточно долго могу рассуждать на тему совершенствования своих навыков игры на скрипке, но не могу с точностью сказать, достигну ли я когда-нибудь непревзойденной степени совершенства...

dunhill.com

dunhill
LONDON

НОВЫЙ АРАБСКИЙ
КОВЕР

мекнуть приглашенным, чтобы они не приезжали.

Так или иначе «арабское проклятье» отразится и на репутации русских. Для многих на Западе Россия вполне себе нефтяной эмират. Хотим мы этого или не хотим, но придется разделить репутационные издержки с Муамаром Каддафи и Хосни Мубараком. Это всего лишь вопрос цены — теперь плата за вход в приличное общество для русских должна повыситься.

Скорее всего, свою политику придется пересматривать крупнейшим модным домам. До сих пор арабы были основными покупателями люксы — всего, что стоит дорого и еще блестит, — наряду с русскими и китайцами. Но революционная болезнь на Ближнем Востоке нанесет удар как по спросу, так и по предложению. И продавцам, и покупателям вдруг стало неприлично сознаваться в том, что они вообще знакомы.

То, что на Западе так близко к сердцу восприняли протесты на арабской улице, — безусловная заслуга социальных сетей. Кто бы мог подумать, что модная игрушка, о которой в Голливуде снимают кино, в арабском мире станет орудием пролетариата. На Западе Twitter — это Леди Гага, собравшая рекордное количество фолловеров. На Ближнем Востоке Twitter — это коллективный пропагандист и агитатор. А значит, арабская революция потенциально не меньшая звезда, чем Леди Гага. Кто знает, сколько хитов еще будет у последней? А вот у первой гарантированно будет еще очень много.

Революционная мода, пришедшая с Ближнего Востока, вообще-то совсем некрасива. Любая массовая культура выглядит довольно уродливо на фоне культуры элитарной, пусть даже и немного китчевой. У арабской революции нет того романтического флера, какой окружал, скажем, французские волнения 1968-го. Да что там Франция — здесь нет даже украинского «оранжевого» очарования. Здесь много

правды жизни, а она малопривлекательна. Много бедных, безработных людей, а они плохие герои для светской хроники. Удивительно, что в арабских революциях вообще нет героев, нет лидеров, нет узнаваемых попкультурой лиц. У глянцевого Сейф-уль-Ислама Каддафи нет никакого визави по ту сторону баррикад. Арабский Че Гевара обезличен — он растворился в Twitter.

И уж, конечно, у арабской революции нет своей Марианны, свободы на баррикадах с обнаженной грудью. Арабская революционерка — она в хиджабе. Смена власти в любой арабской стране — это еще один шаг от светских порядков в сторону религии. И рано или поздно место глянцевых арабских диктаторов займут исламисты. Бессмысленно обсуждать, хорошо это или плохо, — это просто факт. И этот факт, конечно же, очень сильно повлияет на моду в самом широком смысле — на то, как будет выглядеть среднестатистический житель Земли в ближайшие десятилетия.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ МОДА,
пришедшая с Ближнего Востока,
вообще-то совсем некрасива. Любая
массовая культура выглядит довольно
уродливо на фоне культуры элитарной,
пусть даже и немного китчевой

Сэр Дэвид Фрост, продюсер и телеведущий:

Одной из самых ярких страниц в моей жизни стало интервью с президентом Никсоном. Во-первых, благодаря тем историческим материалам, которые нам удалось получить. Во-вторых, потому что это стало главным вызовом в моей профессиональной карьере. Перед интервью никто не верил в его успех, все говорили, что Никсон никогда не скажет ничего,

что может таить для него какую-либо угрозу, что он будет полностью контролировать ход интервью и использует его во благо себе и своим интересам.

И именно потому, что все решили, что удачное интервью с Никсоном невозможно, я решил доказать всем обратное. Остаться непобедимым – вот главная цель в моей жизни...

dunhill.com

dunhill

LONDON

Революционная «тройка»

Костюмы — для вождей, шинели — для людей

Григорий Ревзин |

КАЗИМИР МАЛЕВИЧ.
ГОЛОВА
КРЕСТЬЯНИНА.
1920

ФЁДОР ШУРПИН.
УТРО НАШЕЙ РОДИНЫ.
1946-1948

МАРАТ САМСОНОВ.
Н. С. ХРУЩЕВ
И Ф. КАСТРО
В БЕРЕЗОВОЙ РОЩЕ.
1960

ВАЛЕНТИН СЕРОВ.
ПОРТРЕТ В.И. ЛЕНИНА.
1956

ВСЕГДА БЫВАЛО:

атрибуты революции со временем должны стать стилем новой элиты. И по праву победивших, и как манифестация новой эры. Революционеров XVIII века называли санкюлотами, они не носили кюлоты (бриджи) с чулками, а носили длинные брюки. Через 20 лет эти брюки стали обязательной одеждой джентльменов высшего общества, и Пушкин сетовал, что этот обязательный предмет гардероба было невозможно назвать по-русски иначе чем «панталоны». Так было в эпоху Великой французской революции, и так должно было быть и у нас. Но так не было.

У русской революции был стиль, и этим стилем был авангард. Футуристы оформляли государственные праздники и демонстрации, писали лозунги и листовки, пытались дружить с государственными деятелями, и у них даже иногда получалось. На международных выставках СССР представлял павильон Константина Мельникова, который сегодня на фотографиях выглядит как калифорнийская вилла сумасбродной голливудской звезды. Художники, архитекторы и дизайнеры авангарда собирались в общества и принимали резолюции: им казалось, что именно они лучше всего выражают идеалы нового мира, они обращались в ЦК с просьбой назначить их главными по линии того, как этот мир должен выглядеть. И из-за этого, честно говоря, есть люди, у которых формы, приемы, образы и поэтика русского авангарда 1920-х годов вызывают живое чувство отвращения, потому что они пахнут кровью. Но людей, чующих этот запах, сравнительно немного.

Потому что товарищей Сталина, Дзержинского, Свердлова Кирова, да что там, даже товарищей Ленина и Троцкого не-

возможно себе представить в футуристических одеждах. Маяковский и Бурлюк носили желтую кофту, Зданевич, Каменский, Крученых расписывали себе лицо и пропагандировали орнаментальную раскраску для женских грудей, Ларионов предлагал мужчинам носить летом бриджи с статуированными голеньями, футуристы обожали голое тело и представляли перед публикой в виде гимнастов. И хотя было бы уместным представить себе, чтобы на лицах товарищей Сталина и Дзержинского выступали лучистыми рисунками тени невинноубиенных ими, сами они никогда их себе там не рисовали. На съездах коммунистов не было принято появляться в гимнастических трико, советская элита не носила ни красных, ни зеленых париков, что было модно в 1910-х, даже раскрепощенная Коллонтай не расписывала себе груди, и никогда товарищ Сталин не надевал цветного жилета и не разоблачался, чтобы продемонстрировать революционные татуировки на голом торсе. Даже мысль об этом звучит диковато. И вслед за ним никто из «тонкошеих вождей», как выразился Осип Мандельштам, не носил футуристических одежд, а за ними — никто из средних партийцев, директоров, агитаторов, инструкторов и всей прочей советской, скажем так, элиты (чтобы не сказать сволочи).

Александр Родченко, Варвара Степанова, Любовь Попова и примкнувшая к ним Надежда Ламанова создавали эскизы футуристических советских костюмов, они получили Гран-при на Парижской выставке 1925 года, но никогда ни «нормальный костюм» Татлина, ни «прозодежда» Любови Поповой не становились принятой советской модой. Революционный

150 YEARS

УПРАВЛЯ СКОРОСТЬЮ НА ПРОТЯЖЕНИИ 150 ЛЕТ

- 1860 Эдуард Хоэр основывает часовую мастерскую в швейцарских Альпах
- 1916 Изобретение первого секундомера с точностью до $\frac{1}{100}$ секунды
- 1969 Изобретение первого механического хронографа
- 2011 TAG Heuer Grand CARRERA Calibre 17 RS

TAGHeuer

SWISS AVANT-GARDE SINCE 1860

www.tagheuer.com

ВЛАДИМИР ЛЕБЕДЕВ.
ДЕМОНСТРАЦИЯ,
1920

новых коллекций «a la Каддафи»? Не сомневайтесь — скоро увидите.

Но в СССР никто не конкурировал за покупателя, там покупатели конкурировали за возможность купить чего-нибудь. Там действовали объективные законы. Но это же объективный закон: победители должны утвердить свои формы жизни. Почему большевистские вожди не ходили в желтых кофтах? Или хотя бы в красных? У них было две формы — штатская, как у товарища Ленина, и полувоенная, как у товарища Троцкого, а потом у товарища Сталина. В этих суперконсервативных одеяниях они и провели свой век вплоть до товарища Хрущева, который все же позволял себе надевать под пиджак вышитую косоворотку. И не пользовались они ни авангардной мебелью по эскизам Родченко и Мельникова, ни виллами с сленточными окнами, парящими над землей на тоненьких железных ножках. Ленин, правда, до эвакуации лежал в гробу, сделанном по рисунку Константина Мельникова, и его тело переламывалось в хрустальных гранях на манер кубистических полотен Пикассо, но это все же не был его личный выбор. Да и в конце концов этот гроб поменяли на более традиционную витрину, менее авангардную и захватывающую.

Поэтому говорят, что они были мещанами с консервативными вкусами. Но слушайте: это же смешно! Люди, придумывающие концлагеря, люди, ежедневно практиковавшие все новые виды пыточного гипноза, люди, планировавшие всемирную войну для установления коммунизма, люди, наконец, сообразившие превратить своего вождя в бальзамированную тушку, вынужденную вечно позировать для зрителей в бесстыдстве своего выпотрошенного состояния, не могут быть мещанами с консервативными вкусами. Вернее, их вкусы могут быть любыми, но они готовы ими жертвовать для дела.

И это значит: дела не было. Не нужно было одевать коммунистов в желтые блузы. Был какой-то другой замысел. А в чем он — загадка.

авангард — от татуировок до домов — реализовался в моде на Западе, и даже не один раз в 1920–30-х годах, но несколькими волнами в 1950–70-х, потом в 1990-х. Но не в СССР, и из-за этого у многих людей формы, приемы и образы авангарда вызывают живое чувство восхищения. Не запах революционной крови они за ним чувствуют, а вовсе даже запах буржуазности, запах «Шанель номер пять», само название которого — эфир того времени и настроения, которое заставляло футуристов называть свои модели «промблуза номер три» и «кукла номер пять в шляпе». Это в чем-то смешно — искусство антибуржуазной революции стало модой и буржуазности, и гламура.

Про Европу — понятно. Там действовал механизм моды. Он заключается в том, что элита хочет отличаться от всех остальных людей, а все остальные люди хотят быть похожими на элиту. Поэтому это вечный забег, кто быстрее, и каждый раз, когда оказывается, что предмет эконома-класса — костюм, кабинет, дом — выглядит совершенно так же, как элитарный, а стоит на порядок дешевле, элита меняет галс. Она выбирает то, что еще никто не делает и не умеет делать, а пока они учатся, пока производители предметов эконома-класса усваивают стиль, удешевляют технологии и начинают массовое производство, элитарное резко отличается от массового. В этом забеге производителей роскоши наперегонки с производителями ширпотреба модные дома не могли пробежать мимо авангарда. Он обеспечивал новизну, а то, что это было искусством революции, мало кого интересовало.

Но мода — это коммерческий механизм, это инструмент продаж. Он работает тогда, когда существуют рынки роскоши и массовые рынки, и они конкурируют за покупателя. И в этом есть даже что-то обнадеживающее. В том смысле, что какой бы беды ни случилось, рынок найдет возможность это переварить и превратить в конкурентное преимущество. Вы еще не видели

ЭРИК БУЛАТОВ.
БРЕЖНЕВ.
СОВЕТСКИЙ КОСМОС.
1977

НА ПАРТИЙНЫХ СЪЕЗДАХ

не было принято появляться в гимнастических трико, советская элита не носила ни красных, ни зеленых париков, и никогда товарищ Сталин не надевал цветного жилета

ICEBERG.COM

Bosco & Luigi
FAMILY

МОСКВА
гум, красная площадь, 3
петровский пассаж, ул. петровка, 10

WWW.BOSCO.RU
+7 (495) 660 0550

товар сертифицирован, реклама

ICEBERG

Товар лицом

Кубинская революция привлекательна, потому что сексуальна

Михаил Трофименков |

пел Муслим Магомаев. Идеология никого не заботила. Да и сама революция никак не могла в ней разобраться: ее вожди открыв рот трепетали перед вашингтонским мемориалом Линкольна, пока Штаты своим слепым и злым желанием вернуть казино и бордели Гаваны чикагской мафии не толкнули их в объятия Москвы.

Секрет ее обаяния раскрывает одна деталь в свидетельствах очевидцев. Все они писали об оружии. Вооружены все — от порты до рубщика сахарного тростника. Но относятся к оружию так, что слова «милитаристское общество» никому и в голову не приходили. По Анри Картье-Брессону, «полицейские носят оружие, как туристы — фотоаппараты». Кто-то еще заметил: девушки носят автоматы, как сумочки. Часовому винтовка не мешает наслаждаться сигарой. На Рождество 1960-х барбудос не пришлось гримироваться, чтобы стать идеальными Санта-Клаусами: только елки, ранее завозимые из США, заменили пальмами.

Революция была разноцветной, как кожа кубинцев, каждый находил в ней что-то свое. Суровость барбудос не казалась жестокостью, хотя все понимали, что на войне как на войне. Но разве могли быть жестоки парни, танцующие хабанеру, гуахиру-сон, гуарачу и румбу. В какой еще стране прощальное письмо Че, покинувшего Кубу, чтобы умереть на поле боя, могло войти в ткань томительной песни «Hasta siempre Comandante».

Революция очистила Кубу от всякого декадантства вроде джаза. Но это единственная из революций, провозгласившая

своим официальным стилем модернизм — и никакого соцреализма. И конечно, несмотря на двухлетнее, в приказном порядке, воздержание повстанцев в горах Сьерра-Маэстры и чудесное перевоплощение проституток в работниц кооперативов, она была безумно сексуальна. Гавана — город искушений, как с ними ни борись: кусты под огромной статуей Христа в январе 1959 года превратились в массовое место свиданий спустившихся с гор бойцов и столичных девушек.

В общем, пафос революции отлично выразила реклама пива «Полар» с изображением крестьянина-гуахино, собирающего тростник. Текст начинался так: «Пора приниматься за работу!». А заканчивался (пропустим патетические возгласы о свободе и созидании) так: «А после работы пора приниматься за “Полар”!».

Но при этом все было безумно серьезно и жертвенно. Кубинская революция — последняя, ощущавшая себя прологом мировой. Эта история еще не закончилась — спросите у субкоманданте Маркоса, Уго Чавеса и Евы Моралеса. Революционеры, взявшие власть, чаще готовы убивать, чем умирать — Че опроверг этот тезис, и не он один. Тысячи кубинских врачей и учителей по всему миру рисковали жизнью. Герой-генерал Арнальдо Очоа (в 1989

году его, увы, расстреляют за торговлю кокаином) вел кубинский экспедиционный корпус, отбросивший белых наемников от ангольской столицы Луанды.

Даже издатель Джанджакомо Фельтринелли, купивший у Альберто Корды и безбожно растиражировавший фотографию Че, не устоял перед обаянием команданте, создал в Италии Группы партизанского действия и погиб, по официальной версии, подорвавшись на собственной взрывчатке (подробнее — на стр. 49).

По иронии истории мировую революцию совершил именно он, а не Че. Революцию в потреблении. Немыслимо, чтобы десятки миллионов людей напялили футболки с Троцким, Тито, Мао или Долорес Ибаррури. А Че воплотился в тату Марадонны и Майка Тайсона, колу El Che, футболку принца Гарри, подвеску Джонни Деппа, постер в комнате Мунтадхара ам-Зейди — метателя ботинок в Джорджа Буша, очки от Жан-Поля Готье, обложки альбома Дэвида Боуи и Мадонны, и даже стал любовником аргентинской первой леди в «Эвите» Эндрю Ллойда Уэббера «Эвита».

Впрочем, не стоит сетовать об этом. Потребление — это гедонизм, а кубинская революция обречена остаться в истории как самая гедонистическая изо всех революций.

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ

военрук рассказывал нам на лекции такую историю. В 1960-х он служил в ракетной части, куда привезли на экскурсию Фиделя Кастро. Выслушав ритуальные слова о советском ядерном щите, он повел себя как революционер-прагматик. Переспросил: «Эта ракета направлена на Вашингтон?» Удостоверившись, что да, на Вашингтон, покопался в разговорнике, удовлетворенно кивнул головой и махнул рукой стоящему навтыжку командиру расчета: «Пускай!»

Выкинь такой номер любой другой революционер — Мао, Ким, Насер — не было бы сомнений в его опасном безумии. Фидель — другое дело: «Пускай!» звучало, как шалость огромного бородатого ребенка.

Кубинская революция единственная вызывала чувство не столько солидарности, сколько любви, с ней было легко и приятно идентифицировать себя. «Привет, кубинцы!» — назвала фильм Аньес Варда, «Куба — да!» — Крис Маркер, «Я — Куба» — Михаил Калатозов, «Куба, любовь моя» —

КУБИНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

единственная вызывала чувство не столько солидарности, сколько любви, с ней было легко и приятно идентифицировать себя. Она была молода, современна и жертвенна

МОСКВА ■

гум, красная площадь, 3
петровский пассаж, ул. петровка, 10
весна, ул. новый арбат, 19

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ ■

большой проспект п.с., 59

WWW.BOSCO.RU ■

+7 (495) 660 0550

CORNELIANI

Corneliani

Красная весна

При Мао коммунизм завевал эстетику, как при Ленине — почту и телеграф

Михаил Трофименков |

ВО ВРЕМЕНА МАО коммунизм завевал умы, как при Ленине — почту и телеграф. Европу накрыла вторая волна *chinoiserie* — маниакального увлечения китайщиной. Как и в XVIII веке, европейцы объявили Восток обетованной землей грез и активно учили китайский язык — но не язык фарфора и шелка, как в эпоху рококо, а язык революции. Фарфор же их новые кумиры усердно крушили. Студенты пекинского иняза разбили надгробие великого художника Ци Байши, а памятнику «Пять баранов» в Гуанчжоу обломали рога (уцелел только один баран, до которого не дотянулись). Что поделать: «культурная революция».

Марко Белоккьо и Жан-Люк Годар назвали фильмы о бунте европейских студентов «Китай близко» (1967) и «Китайка» (1967). Годар и сам перешел на «китайский»: «Мао Цзэдун сказал, что настоящий товарищ находится там, где трудно, где противоречия особенно остры. Пропагандировать — значит поднимать вопрос. Фильм — это ковер-самолет, он может летать повсюду. Никакого волшебства. Политический труд». Нуждался в переводе на человеческий язык и маоист Сартр: «Революционное мышление рождается людьми, и люди самостоятельно могут развивать его полностью через свои действия».

Мода на красный Китай зрела лет сорок. Еще в 1920-х он казался бессильным, униженным гигантом, а междуособная резня генералов — его агонией. «Жестокий Шанхай», «Макао — игорный ад» — таким видел Китай кино. Когда появилась сила, способная прекратить беспросветный кошмар, мир замер: «Алеет Восток. Взошло солнце. В Китае родился Мао Цзэдун». Славу Андре Мальро принесла суровая поэзия «Удела человеческого» (1933): «В огромном помещении — бывшем школьном зале для игр — около двухсот раненых коммунистов ждали расстрела». Маяковский нашел свой «Лучший стих» (1927): «И гаркнул я, / сбившись / с поэтического тона, / громче / иерихонских хайл: / — Товарищи! / Рабочими / и войсками Кантона / взят / Шанхай!»

Йорис Ивенс и Роберт Капа показали миру солдат в обмотках, ватных куртках и штанах, съедающих зернышко риса в день, берущих оружие в бою. Ожившие глиняные воины из императорских гробниц: чем

больше их убивают, тем их больше. «Винтовка рождает власть!». За 25 лет тотальной войны они прошли «великим походом» (1934–1936) 10 000 километров, 12 провинций, 18 горных хребтов и 24 реки, перемололи десятки князьков-генералов, разбили японцев, загнали на Тайвань Гоминьдан, выломали врата Тибета. Потом отстояли от янки север Кореи, разожгли мятежи по всему миру и — дабы «размножить собачьи головы Брежнева и Косыгина» — штурмовали остров Даманский. Они не знали страха: «Атомная бомба — это бумажный тигр, которым американские реакционеры запугивают людей, с виду он кажется страшным, а на самом деле вовсе не страшный».

Китайские масштабы. Немыслимые — как число «десятки миллионов погибших». Как два миллиарда истребленных вредителей-воробьев. Как миллиардный, «библейский» тираж «Красной книжечки председателя Мао». Как балет «Красный женский батальон». Как миллион хунвейбинов, юных «красногвардейцев» из хороших семей, которым 18 августа 1966 года Мао, чья власть расшаталась, приказал начать тотальный погром: «Огонь по штабам!»

Никогда еще погром не был так эстетически оформлен. Китай по-прежнему был далеко: легко сказать, что Европа повелась на эстетику. На лирику Мао — «Я бедный монах, бредущий под дырявым зонтом». На то,

НИКОГДА ЕЩЕ ПОГРОМ НЕ БЫЛ

так эстетически оформлен. Китай по-прежнему был далеко: легко сказать, что Европа повелась на красоту.

На самом деле Мао делал то, о чем мечтали европейские интеллектуалы

как он мягко стелет — «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», — и на то, как чеканит — «Бунт — дело правое!». На новый агитпроп — дацзыбао, «газету, написанную большими буквами»: первую, с призывом разгромить «черную антинародную банду» ректора, вывесил 25 мая 1966 года университетский аспирант Не Юаньцзы. На 15-километровый заплыв 72-летнего Мао и 5000 энтузиастов, прыгнувших за ним в воды Янцзы.

Но дело не в эстетике. Мао определил «культурную революцию» как преобразование надстройки общества, создание новой идеологии, культуры, нравов и обычаев, низвержение буржуазных авторитетов. То есть, выражаясь по-европейски, как деконструкцию и разоблачение господствующего языка культуры. Чем европейские интеллектуалы как раз тогда и занимались. Словарь революции был для них ничейной зоной, откуда можно атаковать старый язык, не рискуя попасть к нему в подчинение. «Может ли диалектика ломать кирпичи?» — спрашивали они. И сами же отвечали: «Еще как!»

Положа руку на сердце, Мао был воистину мудр. «Великий бунт в Поднебесной достигает великого упорядочивания в Поднебесной», — сказал он. Так оно и вышло. Революция, как по мановению волшебной палочки, закончилась с арестом «банды четырех» (октябрь 1976 года), уже после смерти Председателя. Упорядоченная Поднебесная через 25 лет явила миру такую мощь, что европейским маоистам осталось только переквалифицироваться в менеджеров, заключающих с Китаем контракты.

реклама

POLE POSITION

Соцсказка вместо соцреализма

В Северной Корее все как в кино

Михаил Трофименков |

ЖАН БОДРИЙЯР НАЗВАЛ США

огромным экраном, на который мир проецирует свои мечты. Он ошибался. Страна-экран — это КНДР. И это не метафора

Номенклатурные беглецы на Запад рассказывают много ужасов о КНДР. Но их обязывает положение: они говорили бы то же самое, даже если бы Маршал Могучей Республики, Залог Освобождения Человечества, Железный Всепобеждающий Полководец, Дорогой Бессмертный Вождь, пусть он даже умер в 1994 году, президент КНДР Ким Ир Сен построил рай на земле. Почему бы и нет? Коммунизм растворился здесь в мистическом тумане.

Говорят, что при рождении Ким Чен Ира треснул с неслыханным звуком горный ледник и воспарила небывалая двойная радуга. А в четыре года он опрокинул чернила на карту — назавтра цунами снесло залитые ими районы Японии. В конце концов провозглашенная 28 декабря 1955 года идея чучхе лишь примерно означает опору на собственные силы, восходя по сути к дебрям конфуцианства.

На транспарантах здесь не три-четыре классика марксизма, а Чен с родителями — Иром и Ким Чен Сук, которая «под градом вражеских пуль и снарядов и на стоянках, куда норовят влезть коварные враги, буквально став щитом, надежно охраняла Великого Вождя».

На картинах она садит по японцам помакедонски — из двух маузеров, знакомых нам по фильму «Мы из Кронштадта». Но странные какие-то эти полотна. В 1950-х корейцы учились в СССР и честно старались соответствовать: выходила карикатура вроде главной оперы КНДР с мелодичным названием «Реки крови». Потом оперлись на свои силы и плюнули на соцреализм. Их картины, их мозаики — лубок или возврат к национальной традиции (розовые деревья, голубые горы, желтые травы). Очень красиво, но почему-то очень тревожно.

Когда речь идет о КНДР, ни в чем нельзя быть уверенным. Почему в 1930-х сразу несколько партизанскими отрядами командовали люди по имени Ким Ир Сен? Почему, когда он в 1945 году вернулся из СССР на родину, упорно шептались: не он, подменили, слишком молод. Был ли он советским майором? Где и когда родился Чен? Какое кино снимают в КНДР? А много его снимают? Что там вообще творится?

Жан Бодрийяр назвал США огромным экраном, на который мир проецирует свои

мечты. Он ошибался. Страна-экран — это КНДР. И это не метафора.

Чен не просто вождь-киноман, не просто хозяин уникальной коллекции фильмов на пленке, таящей, как знать, утерянные шедевры, например «Бежин луг» Эйзенштейна. Он автор учебника, досконально расписывающего, как снять правильный фильм. Он продюсер, по сравнению с которым магнаты Голливуда — лохи. Если режиссер или актер скажет им «нет», они бессильны перед ним. Чен не знает слова «нет», потому что ни о чем не спрашивает.

В 1985 году его агенты — он курировал то ли МИД, то ли КГБ — похитили знаменитейшего южнокорейского режиссера Чин Санг Ока и его жену-звезду. Только для того, чтобы те снимали фильмы не на прогнившем юге, а в северном раю, где воплотят любой их каприз. Снял пять фильмов, они воспользовались поездкой в Вену, чтобы сбежать обратно. Самое загадочное в этой истории: зачем их отпускали из рая на кинофестивали?

Прежде всего, Чен — режиссер своей страны, кажущейся гигантской иллюзией, красным «шоу Трумэна».

Иногда он снимает сексуальную утопию, по сравнению с которой мусульманский рай — монастырь. Тогда на каждом перекрестке жонглируют жезлами по четыре регулировщицы-модели. Маршируют с саблями, задрав ноги на вертикальный шпагат, столь же модельные военнослужащие.

Иногда — action, от которого холодным потом умылся бы сам Бонд. Тогда 32 богатыря, как из-под земли возникнув, штурмуют (1968) Голубой дом — резиденцию южнокорейского президента, а бомба, заложенная девушкой Ким Хьун Хи, разносит вражеский самолет над Андаманским морем (1987).

А иногда его камера просто отдыхает и вхолостую снимает такие прекрасные и такие пугающие панорамы Пхеньяна.

НЕДАВНО выяснилось, что в Северной Корее живет и здравствует GI, бежавший с империалистического юга в начале 1960-х, возможно, и не один. Он избежал волчьих ям заповедной зоны объединенной безопасности между двумя Кореями, не обезумел от пропаганды, извергаемой — с обеих ее сторон — громкоговорителями. Он ни о чем не жалеет, мало рассказывает. Так запуган? Так счастлив? Или прошедшие зону утрачивают общий язык с землянами? Или он разуверился в реальности мира?

Разувериться в ней можно, просто посмотревшись фотографий Пхеньяна. Широкие улицы. Бьющие из реки фонтаны. Сады в цвету. Исполинские монументы, часто — всадники на вздыбленных конях. Отели: один — 47-этажный с вертолетной площадкой и шикарным рестораном на крыше, другой — 120-этажный, недостроенный. И никого. Ни автомобилей, ни пешеходов. А в отелях — дюжина туристов, затерявшихся в коридорах и опочивальнях.

СИМВОЛЫ ВЕРЫ

Крест криновидный «Греческий»

Четырехконечный крест со сложным абрисом в виде цветов лилии с бусинами и тычинками производит впечатление утонченности и сложности. В центральной зоне – изображение Креста Господня. Орнаментальная композиция вписывается в квадрат, напоминая форму просфорной печати. В некотором отдалении от концов центрального креста расположены круглые медальоны, содержащие надписи: «Иисус Назорей – Царь Иудейский», а также: «Царь Славы» и «Поклонимся подножию ног Его». Символическое значение креста-цветка связано с метафорой Рая как Древа Жизни или Горнего Иерусалима, равностороннего в плане и имеющего вид золотого кристалла. Его описание, сконцентрированное до орнаментальной эмблемы, стало основой композиции креста, в которой присутствует и квадратный «план» и даже двенадцать «оснований» в виде жемчужин.

Москва: ТГ Tretiakov Plaza, ул. Никольская 10, (495) 225-92-95

ТК «Галерея Актер», ул. Тверская 16/2, (495) 213-30-18

ТЦ «Живой Дом», Рублево-Успенское ш. 11, Горки 2, (495) 276-08-98

Аэропорт «Шереметьево» терминал аэроэкспресс, (495) 229-32-10

Санкт-Петербург: ТК «Гранд Палас», Невский пр. 44, (812) 315-12-34

Гранд Отель Европа, Михайловская улица 1/7, (812) 970-74-26

Владимир Михайлов

www.vmikhailov.ru

Левые кадры

Идеологическое кино теперь снимают не по приказу

Андрей Плахов |

ХОТЯ ФИЛЬМ Стивена Содерберга «Че» по причине своего вопиющего «неформата» (метраж — более четырех часов) обернулся катастрофой для прокатчиков, он все же умудрился заработать репутацию модного артхаусного кино. Диалогию о культовом революционере украсил своей харизмой Бенисио дель Торо. Впрочем, и шестичасовой «Карлос» Оливье Ассаяса, несмотря на отсутствие звезд, оказался востребован фестивальной и артхаусной публикой. Уже несколько картин снято в Германии про «комплекс Баадера–Майнхоф». Левые и левацкие идеи не остались в XX веке, а продолжают активно курсировать в современной жизни, а значит, и в кинематографе. Стех пор как революционный авангард, благодаря Татлину, Мейерхольду, Эйзенштейну, превратился из идеологии в стиль, каждая уважающая себя буржуазная кинематография содержит отряд пламенных революционеров, разрушающих капитализм изнутри. И поскольку никому еще не удалось его похерить, разрушительная модель стала стилиобразующей.

Классический пример — придуманный интеллектуалами послевоенный итальянский неореализм. Аристократ Висконти, всерьез восприняв метод, снял фильм «Земля дрожит» в рыбацкой деревне Ачитреце на диалекте, которого никто не понимал. Неореалисты верили в простого человека труда, в то, что в нем, униженном и оскорбленном, где-то глубоко внутри живет свободная и прекрасная личность. Но как только мир чуть воспрянул после кошмаров мировой войны, неореализм порозовел и загламурился: его лицами вместо римской «волчицы» Анны Маньяни стали дамочки Джина Лоллобриджида и София Лорен, тоже, между прочим, охотно игравшие пролетарок. Сегодня итальянское

кино скорее мертво, чем живо, но оно по-прежнему болеет левизной. Как, впрочем, и соседние европейские кинематографии.

Совсем недавно в Канне призом за лучшую мужскую роль был награжден малоизвестный артист Элио Джермано, сыгравший в фильме Даниэле Лукетти «Наша жизнь» рабочего-строителя. Он разделил награду с Хавьером Бардемом — испанским актером, прочно вписанным в звездный иконостас. В фильме «Бьютифул» Алехандро Гонсалеса Иньярриту он сыграл смертельно больного авантюриста, который крышует африканских и прочих иммигрантов-нелегалов, причем, кажется, что этот подвижник специально пошел в криминал, чтобы облагодетельствовать человечество, а вовсе не обогатиться за его счет. Апофеозом становится покупка сердобольным героем дешевых обогревателей для группы китайских рабочих: утром их находят угоревшими в своей конуре, что усугубляет и без того беспросветную депрессию героя. Ведь он страдает еще и от воспоминаний о рано умершем отцепитэмигранте, посвятившем жизнь борьбе с франкизмом. Так протягивается нить от легенд испанской коммуны до сегодняшнего левого кино, играющего в антиглобализм.

Из Италии и Испании перенесемся на север — в Финляндию Аки Каурисмяки. В постиндустриальные времена новой безликой Европы, где слово «рабочий» даже как-то неловко произносить, набравшая обороты Финляндия превратилась в «новую Японию», этот режиссер снимает две подряд «пролетарские трилогии», признанные вершинами эпохи постмодерна. Его кино нечто прямо противоположное фильмам, снятым, к примеру, в бывшей ГДР. «Классовое общество», «эксплуатация»

«ЧЕ» СТИВЕНА СОДЕРБЕРГА

и другие якобы несуществующие явления находят свое отражение в фильмах Каурисмяки в очень осязаемом и в то же время юмористическом виде, а его пролетарские герои легко превращаются в люмпенов и преступников.

Даже финский Раскольников в его экранизации «Преступления и наказания» разделяет туши на мясокомбинате. Герой «Теней в раю» — мрачный усатый тип по имени Никандер — мусорщик, «дерьмосборщик». Обычное времяпровождение вечером после работы: кино, потом бар, пока не упьется и не вляпается в историю. И внешне актер Матти Пеллонпя — излюбленный исполнитель режиссера — никак не отвечает имиджу высокого спортивного финна. Под стать ему и его подружка Илона в исполнении Кати Оутинен — такое же забитое, тщедушное существо с хронической безнадегой во взоре. И вот из этой зеленой тоски Каурисмяки высекает целый спектр пронзительных состояний финской души. Оказывается, она на многое способна. И на авантюру, и на веселое безумство, и на неж-

ность. И на преступление: эту тему играет та же Кати Оутинен в фильме «Девушка со спичечной фабрики». Серая, как мышка, затравленная Ирис мстит этому миру с артистизмом и изяществом, достойным великих преступниц и магических кинодив. Не меняя кроткого выражения лица, она отправляет на тот свет маму, папу, отца своего нерожденного ребенка и случайного пристава в баре. Поистине революционное решение вопроса.

Серьезнее относятся к своим героям из аналогичной среды англичане, вот уже полвека пестующие традицию «рабочего реализма» и «эстетики грязных кухонь». Герои этих фильмов одеты в тряпки из дешевых магазинов и живут в своей субкультуре, никак не пересекающейся с жизнью миллионерского Лондона. Плакатом к фильму Майка Ли «Высокие надежды» стал кадр: два главных героя на фоне памятника Марксу. К ностальгическим визитам на кладбище, где похоронен бородастый пророк, свелись теперь «высокие надежды», которые питала в юности пара лондонских пролетариев, изображенных в картине с теплым, но порой язвительным юмором.

Самый знаменитый режиссер Британии Кен Лоуч имеет столь же безупречную репутацию, как королева, притом что все его фильмы направлены против капитализма, классическим форпостом которого является Великобритания. Лоуч считает абсурдной убежденность либеральных консерваторов в том, что достаточно быть инициативным, чтобы преуспевать, из чего следует, будто неудачники сами виноваты в своих несчастьях. Общество делает из них аутсайдеров, инвалидов, психически больных или, как показано в фильме «Это свободный мир»,

ЭТО КИНО МОЖЕТ НАПОМНИТЬ

фильмы времен СССР на «военно-патриотическую», «производственную» или «морально-этическую» тему. С той разницей, что сделаны эти фильмы не по заказу и не по канону, и нет в них ханжеской двойной морали советского кино

«Земля дрожит» Лукино Висконти

«Кус-кус и барабулька» Абделатифа Кешифа

«Земля дрожит» Лукино Висконти

мелких хищников, эксплуатирующих тех, кто еще слабее,— иммигрантов и гастарбайтеров.

Безработный — пария современного мира, отброшенный на обочину общества, отчужденный, нечистый, наказанный неизвестно за что. Взывая к справедливости, Лоуч возвращает сознание современного мира к раннехристианскому евангелизму. Иногда работы Лоуча напоминают незабвенные образцы советских фильмов на «военно-патриотическую», «производственную» или «морально-этическую» тему. С той разницей, что Лоуч не стоит на учете в райкоме, что сделаны эти фильмы не по заказу и не по канону, а проникнуты личной убежденностью. Что в них нет ханжеской двойной морали советского кино. Что у Лоуча играют потрясающие актеры, во всем блеске британской исполнительской школы. Герой фильма Лоуча «Меня зовут Джо», бывший алкоголик, помогает товарищам по несчастью (включая наркоманов) вернуться к жизни. Герой «Гравия» — безработный, которому общество не сулит даже в отдаленном будущем никаких перспектив. И все же он хранит то главное, что отделяет неудачника от опустившегося люмпена, — веру в Бога и человеческое достоинство. Пускай отключен телефон и пуст холодильник, но, если в тебе живо достоинство, не все потеряно!

С другой стороны Ла-Манша англичанам отвечают французы — коренные, как каннский победитель Лоран Канте (фильмы «Класс», «Отдел кадров»), и «понаехавшие», как выходец их Туниса Абделатиф Кешиф. Действие его фильма «Кус-кус и барабулька» начинается с велосипедного рейда главного героя, пожилого портового рабочего Слимана, который объезжает

членов своей большой семьи, чтобы привезти им свежую рыбу. Возможно, что герой привозит рыбу в последний раз, ведь сегодня он узнал от своего босса, что больше не нужен на работе. Вот почему так печален взгляд Слимана, некогда приехавшего в эту страну, в этот южный французский город из Туниса, чтобы поднять на ноги свою семью. Но он не намерен сдаваться: за ним большой клан, не всегда дружный, но когда надо — сплоченный. Не давая волю депрессии, герой попытается вместе со своей приемной дочерью Рим (и родной дочерью его любовницы) выбить кредит и открыть ресторан с тунисским рыбным кус-кусом в виде фирменного блюда. Подобное превращение пролетария в буржуа вряд ли смутит даже самого закоренелого коммуниста-догматика.

Режиссер проводит зрителя сквозь лабиринты разнообразных жанров, все время меняя ракурс и стиль освещения — от мыльной оперы до социально-неореалистического фильма, от комедии

«Класс» Лорана Канте

«Высокие надежды» Майка Ли

«Че» Стивена Содерберга

положений до сказочной притчи, от парадоксального до развлекательного кино. Почти четверть метража картины занимает сцена семейного обеда, «жертвенного пира». Она снята двумя камерами: одна находилась на достаточном удалении, чтобы вобрать сразу нескольких из пятнадцати персонажей, другая же периодически давала сверхкрупные планы жирных от кускуса губ или тайного сигнала, посланного через стол чьими-то глазами, что сразу придавало монотонному действию плотскую весомость и сюжетный смысл.

Когда Слимана увольняют, выясняется, что хозяин верфи не хочет нанимать на его место французов, предпочитая дешевых «новых иностранцев»: таким образом, арабы, давно живущие во Франции, оказываются в одной лодке с коренными. И хотя сегодня в лидеры кинематографического освещения рабочей темы выходят Китай и Иран, старая Европа, родина Маркса и «Интернационала», с активной помощью иммигрантов держит традиционную марку.

Восстание плоти

Власть превращала политику в секс, революционеры же превратили секс в политику

Михаил Трофименков |

НИКОГДА, НИКОГДА, НИКОГДА ДЭН И ДИН КЕЙТОНЫ ИЗ DSQUARED2 НЕ СМОГЛИ БЫ ВЫПУСТИТЬ НА ПОДИУМ ДЕВУШКУ В СПРОЕКТИРОВАННОЙ ИМИ ОДЕЖДЕ — ЕСЛИ БЫ НЕ ВЕЛИКАЯ СЕКСУАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ (НА ФОТО — МОДЕЛЬ ИЗ ЖЕНСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ «ВЕСНА-ЛЕТО 2011»)

НАЧАЛО этой революции не отмечено красным цветом в календарях, о нем не возвестили штурм казарм Монкада, выстрел «Авроры» или «поход на Рим». Так когда же вообще она началась — эта пресловутая сексуальная революция?

В годы войны, когда уходившие на смерть юные пилоты американских ВВС и их жены придумали свинг — обмен партнерами? Или 5 июля 1946 года, когда у бортика бассейна Moliton «обнаженная танцовщица» из Casino de Paris Мишлин Бернардини (модели-профи отвергли непристойное предложение модельера Луи Реара) явила миру купальник, названный в честь атолла Бикини, опаленного ядерными испытаниями?

Или в августе 1953 года, когда с обложки Time строго глянул профессор Альфред Кинси, а за считанные дни разошлись 250 тыс. экземпляров его «Сексуального поведения самки человека»? Но первый том полевых исследований секса — о самцах —

вышел еще в 1948 году: его сравнивали по успешности с «Унесенными ветром», а по научной революционности — с «Происхождением видов».

Возможно, для завоевания человечеством права на наслаждение и любовь завораживающий садомазохизм «Истории О» (1954) Полины Реаж (Доминик Ори) или первый Playboy (1953) были важнее, чем трактат Кинси об имманентной органичности сексуальной свободы и разнообразия. А может быть, революция стала необратимой, когда в марте 1966-го Верховный суд США признал секс «великой и таинственной движущей силой человеческой жизни» и взял под защиту первой поправки конституции порнороман XVIII века «Фанни Хилл»?

Совратила ли человечество Брижит Бардо в намокшем платье («И бог создал женщину...» Роже Вадима, 1956), казавшаяся не просто голой, но голой вдвойне и задиравшая перед стариком Жаном Габеном юбку («В случае несчастья» Клода Отан-Лара, 1958), демонстрируя отсутствие трусов? Или ослепила витрина первого секс-шопа — «Спецмагазина гигиены брака» — открытого на Рождество 1962 года во Фленсбурге валькирией люфтваффе Беатой Узе?

Или все прозаичнее? Задние сиденья царственных авто 1950-х, впервые оказавшихся по карману средним американцам, идеально подходили для потери невинности. А тут еще (1960) в США разрешили продажу — сначала только замужним дамам — противозачаточных пилюль. Это было настоящее чудо, если угодно, чудо дизайна: крохотная облатка сделала женщин хозяйками своего тела. Что не удалось вительницам былых секс-революций — на закате Римской республики, в эпоху Возрождения, романтизма, военного коммунизма или «безумных» 1920-х.

Педант же датирует начало революции переизданием (1945) «Сексуальности в культурной борьбе» (1936) бежавшего от нацистов Вильгельма Райха, ныне известной именно как «Сексуальная революция». Райха сгноят (1957) в тюрьме, признав его опыты по измерению и конденсации энергии оргазма «незаконной врачебной практикой». Сейчас почти невозможно представить, как скучен, жесток и лицемерен был мир полвека назад. Повсеместно однополая любовь и аборт,

а кое-где и супружеская измена, и даже оральный секс были уголовно наказуемы. «Улисс», «Любовник леди Чаттерлей», «Тропик Рака», исследования сексуальности считались порнографией, женский оргазм был под подозрением — не психическое ли это расстройство? Цензурный кодекс Хейса с 1933 по 1966 год истязал Голливуд, запрещая показывать в одной постели даже супругов.

Вековое пуританство рухнуло за считанные годы: так рушатся внешне могучие, но прогнившие империи. Секс-революция столь радикально изменила всю среду человеческого обитания, что секс можно признать «большим стилем» в культуре. А началось все с сущего пустяка: 24-летняя модельер Мэри Куант, хозяйка магазина Bazaar на Kings Road, пожалела женщин (1958): длинные юбки так мешают им пуститься бегом, скажем, опаздывая на автобус. Удобную юбку она назвала «мини» в честь любимого автомобиля. И покатилось...

Еще в 1964 году французскую телеведущую Ноэль Ноблекур уволили за то, что она показала зрителям колени, «самую уродливую», по мнению Кристиана Диора, часть тела. А через какие-то десять лет макси считалась любая юбка длиннее десяти сантиметров. На легендарном снимке Анри Картье-Брессона (1969) пожилая посетительница кафе Lipp опасно косясь на красотку в таком вот «носовом платке». Тогда же Ролан Барт назвал мини «идеальной конструкцией». В сочетании с кожаными сапожками и обтягивающими свитерами мини стало униформой звезд. Женщины меняли чулки на цветные колготки, отказывались от лифчиков, осваивали короткие плащи из синтетики и накладные ресницы. Мужчины отрастили длинные волосы и бакенбарды. Девушки хиппушки, щеголяя в широких юбках, бабушкиных платьях и шляпках, исповедовали свободную любовь едва ли не истовее, чем их сверстницы в мини.

11 октября 1967 года The Guardian признала: бог его знает, что такое сексуальная революция, но она «стала свершившимся фактом». Это был уникальный год. Год «лета любви», начавшегося на поле для игры в поло в Хейт-Эшбери (Сан-Франциско) не по календарю: 14 января грандиозный бесплатный праздник с участием всех, всех,

ВЕКОВЕЧНОЕ ПУРИТАНСТВО РУХНУЛО

за считанные годы. Так рушатся внешне могучие, но прогнившие империи.

«Занимайтесь любовью, а не войной!» — это убедительнее, чем ленинский «мир без аннексий и контрибуций»

всех — от Аллена Гинзберга до Grateful Dead — и раздачей ЛСД вылился в не менее грандиозные любовные бдения на берегу океана. Клету в город съехалось свыше 100 тыс. «детей цветов». Музыка была медиумом революции: sex, drugs and rock-n-roll. Рок-театральность и легализовала, и отстраняла обнаженную чувственность. Супруги Дэвид и Анджела Боуи, похожие друг на друга, как близнецы, только непонятно — близнецы-братья или сестры, наслаждались своей бисексуальностью. Джима Моррисона уволокли со сцены копы за «похабный» «The End» и имитацию мастурбации.

Подтянулись геи с лесбиянками, которых никто за бойцов не держал. 22 июня 1969 года занялись уличные бои между ними (на пятый день армия геев насчитывала до тысячи «штыков») и усиленными нарядами полиции вокруг бара Stonewall в Гринвич-Виллидж. Особенно деморализовал копов батальон травести, грозивших им зверским изнасилованием. Классиками современного искусства признали Тоуко Лааксонена — «Tom of Finland» — виртуоза-рисовальщика мускулистых матросов, лесорубов и копов; фотографа Роберта Мэпплторпа, считавшего, что «мужской член и цветок — равноценны»; последнего самурая Юкио Мисиму, позировавшего в образе пронзенного стрелами святого Себа-

стьяна; отца подпольного кино Кеннета Энгера, поклонявшегося брутальным «ангелам ада».

Власть к тому времени уже превратила политику в секс: электорат не убеждали, а соблазнили или насильовали. Революционеры же превратили секс в политику. «Занимайтесь любовью, а не войной!» — это убедительнее, чем ленинский «мир без аннексий и контрибуций». 26 мая 1969 года Джон и Йоко на неделю забрались в койку амстердамского «Хилтона», где проповедовали мир во Вьетнаме и сочинили «Give Peace a Chance». Да, собственно говоря, и парижский май-1968 начался с того, что студенты и студентки Нантерра взбунтовались против драконовских правил в общестиях, пожелав спать вместе. Под шумок баррикадных боев Роб Рансийак выставил в галерее Templeton ретропорнофото, положив начало легализации порно и признанию его типа искусством.

Секс-идеалом героини фильма Вильгота Шемана «Я любопытна» (1967) был Мартин Лютер Кинг на байке. Секс-революция как никакая другая рушила расовые предрассудки. В постели все не только «одного роста» (Хемингуэй), но и одного цвета. Белая Америка млела от стиля афро. Великий журналист Том Вулф воспевал подруг «Черных пантер»: «Они прекрасны. Острые, как бритвы», «стройные, гибкие, в плотно прилегающих к телу брюках, с прическами «йоруба», смахивающими на тюрбаны. Кажется, будто они сошли со страниц «Vogue». На самом-то деле «Vog» позаимствовал эти прически у негритянок». По другую сторону океана Жан Жене также млеет от «пантер» мужского пола.

Не выдержав, капитулировал правящий класс. Маргарет Трюдо, юная жена канадского премьера, сбежала с Джаггером, провозила наркотики в багаже мужа, а в день его поражения на выборах отпля-

сывала в нью-йоркском клубе Studio 54. По Парижу ходили фотографии блондинки, похожей на жену президента Помпиду и млевшей от оральных девичьих ласк.

После революционной эйфории наступает похмельное искушение задаться вопросом: а оно — низвержение империи — того стоило? Ждали Водолея, а что получили? Депутата Чиччолину, русское порно, бразильских «транс» в Булонском лесу, давку на «Параде любви» и немецких туристов, чинно ждущих в некогда легендарном парижском свингер-клубе «41», когда же, наконец, хоть кто-нибудь разделется, и, что самое главное, никто ведь не раздевается!

Но — это тоже свойство всех революций — стоит мысленно перенестись в мир «до», чтобы возвращаться в него расхотелось категорически. А похмелье — пустяк, ведь даже сам Джаггер признавался, что он «can't get no satisfaction».

РЕКЛАМА - ТОВАР ПОДЛЕЖИТ СЕРТИФИКАЦИИ

Baldinini

www.baldinini.it

Москва: Тверская 12 (495) 694 5017 ГУМ (495) 777 2386 АТРИУМ (495) 970 1449 "ЕВРОПЕЙСКИЙ" ТРЦ (495) 229 1907
 МЕТРОПОЛИС (495) 666 2910 ТРЦ VEGAS (495) 983 0598 КАПИТОЛИЙ (495) 961 3473 ТРЦ АФИМОЛЛ Сити (495) 921 1547
 Тольятти: ПАРК ХАУС (8482) 421 742 Самара: ПАРК ХАУС (846) 279 5166 Казань: ПАРК ХАУС (843) 513 0706
 Ростов-на-Дону: ТРК "Мегацентр Горизонт" (863) 272 5413 Екатеринбург: ТЦ "ЕВРОПА" (343) 253 7052
 Волгоград: ПАРК ХАУС (8442) 489 540 Красноярск: ТДЦ "Планета" (3912) 768 520
 информационный центр: (495) 543 3210

Бунтари на показ

Демонстрация на подиуме

Ольга Михайловская |

DOUCE & GABBANA
Весна-Лето 2011

DOUCE & GABBANA
Весна-Лето 2011

BOTTEGA VENETA
Весна-Лето 2011

BEVERLY HILLS PHOTO BANK.COM

ZEGNA
Весна-Лето 2011

СРЕДИ МУЖЧИН, выносящих на подиумы тенденции весны-лета нынешнего года, мы можем увидеть знакомые типажи. Университетский профессор, объясняющий студентам основы Маркса. Молодой банкир, наследник огромного состояния, связавшийся с леваками и жертвующий деньги «на революцию». Хиппи-анархисты, отвергающие чужую власть, вместо того чтобы ее свергать. Партизан джунглей, обосновавшийся в городах. Первомайская демонстрация объявляется открытой.

ПРОФЕССОР И БАНКИР

представители истеблишмента, готовые пойти против своего класса. Чем это им аукнется, мы хорошо знаем. На самом деле, знают это и они сами, однако готовы дойти до конца в своей революционной гордыне

ХИППИ, ДЕТИ ЦВЕТОВ

давно стали отцами, но до сих пор верят в то, что собственный выбор куда важнее навязанного. Не только они сами, но и их коротко подстриженные дети умрут, но не повяжут галстук, не наденут костюм и не поедут на машине в очередную Государственную думу

DIOR
ВЕСНА-ЛЕТО 2011

IMAXTREE

DIESEL
ВЕСНА-ЛЕТО 2011

IMAXTREE

RAG & BONE
ВЕСНА-ЛЕТО 2011

D&G
ВЕСНА-ЛЕТО 2011

JIL SANDER
ВЕСНА-ЛЕТО 2011

JIL SANDER
ВЕСНА-ЛЕТО 2011

AFP

VERSACE
ВЕСНА-ЛЕТО 2011

GAULTIER
ВЕСНА-ЛЕТО 2011

VERSACE
ВЕСНА-ЛЕТО 2011

BURBERRY
ВЕСНА-ЛЕТО 2011

ПАРТИЗАНЫ, ГЕРИЛЬОС, ИНСУРГЕНТЫ
их бородатые физиономии переходят из художественных фильмов в новостные ролики ТВ. Они идут по подиуму, как шли бы между лианами, как входили бы в города, оставленные на их милость диктаторами и ревизионистами всех мастей

КУРТКА GIMO'S
(BOSCO UOMO)

КУРТКА ETRO
(ETRO)

РУБАШКА
VAN LAACK
(VAN LAACK)

КУРТКА BOGLIOLI
(BOSCO UOMO)

БРЕЛОК ДЛЯ МОБИЛЬНОГО
ТЕЛЕФОНА GOURJI
(SUBLIME BY BOSCO)

ПЛАТОК HERMES
(HERMES)

МАЙКА STONE
ISLAND
(BOSCO UOMO)

ДЖИНСЫ GUCCI
(GUCCI)

СУМКА HERMES
(HERMES)

КУРТКА GUCCI
(GUCCI)

ЗАПОНКИ GOURJI
(SUBLIME BY BOSCO)

СУМКА GUCCI
(GUCCI)

герильяс

КЕДЫ RALPH
LAUREN
(RALPH LAUREN)

СУМКА
S.T. DUPONT
(ДУПОН)

РЮКЗАК GUCCI
(ГУЧЧИ)

САПОГИ
BURBERRY
(BURBERRY)

ЧАСЫ DIOR
CHIFFRE ROUGE
(DIOR)

КЕДЫ HERMES
(HERMES)

«УИКЕНД». РЕЖИССЕР
ЖАН-ЛЮК ГОДАР. 1967

Партизаны-герильяс (самым известным из них следует признать Эрнесто Че Гевару) в 1950–1960-х стали героями медиа. Романтизм заокеанских герильяс довольно быстро почувствовали и их европейские коллеги: методы городской партизанской войны в разные годы использовались немецкой RAF, «Красными бригадами», боевиками ЭТА и ИРА. Во Франции любовь к острому, прыжкам и опасным герильяс была особенно пламенной: во-первых, партизанскую войну одобрял кумир интеллектуалов Мао, во-вторых, парижские баррикады мая 1968 года заложили основу реальной практики. О том, как легко превратиться из буржуа в партизана, рассказал сам Годар — в великом революционном road movie «Уикенд».

ВОДОЛАЗКА
PAUL SMITH
(PAUL SMITH)

БУШЛАТ
JOHN RICHMOND
(ЦУМ)

ПИДЖАК
JIL SANDER
(JIL SANDER)

ЖИЛЕТ
KENZO
(KENZO)

ТЕЛЬНЯШКА
EMPORIO ARMANI
(EMPORIO ARMANI)

КОФТА
DOLCE & GABBANA
(DOLCE & GABBANA)

БУШЛАТ
ERMANNO
SCERVINO
(«ВЕЧНА»)

ЧАСЫ
TAG HEUER
MONZA
(TAG HEUER)

КУРТКА
KITON
(KITON)

матрос

ПУДОВЕР
ICEBERG
(ICEBERG)

САПОГИ
DOLCE & GABBANA
(DOLCE & GABBANA)

САПОГИ
DIOR
(DIOR)

МОКАСИНЫ
PAUL SMITH
(PAUL SMITH)

«МЫ ИЗ КРОНШТАДАТА».
РЕЖИССЕР ЕФИМ ДЗИГАН. 1936

Матрос — это самый ясный революционный персонаж. Есть драматическая история бегства русского премьер-министра Александра Керенского из Гатчины в октябре 1917 года. Тогда он переоделся в костюм матроса. Позднее, правда, советская пропаганда навязала бедному премьер-министру женское платье. Дело было даже не в том, чтобы дополнительно опозорить Александра Федоровича, нужно было спасти важную идеологическую единицу — матроса. В моде костюм матроса в полной мере появился в 1920-х годах: тельняшку и темно-синие брюки сделала популярными Шанель. С тех пор тельняшка, брюки, черный бушлат с металлическими пуговицами, толстый вязаный шарф являются стабильными fashion-элементами.

БУШЛАТ
MARC JACOBS
(ЦУМ)

ПОЛО-РУБАШКА
ICEBERG
(ICEBERG)

ФУТБОЛКА
ETRO
(ETRO)

ДЖИНСЫ
GUCCI
(GUCCI)

профессор

Человек в классической, чуть старомодной мятой шляпе и крутых очках может быть в большей степени революционером, чем человек с ружьем и гранатой. Особенно если у человека в очках и шляпе под мышкой будет томик Маркса, Герберта Маркузе или на худой конец самого Жан-Поля Сартра. Именно профессура сыграла ключевую роль в парижской революции мая 1968 года. После разгрома баррикад роль «красных профессоров» стала менее заметной для общества, но никак не для молодежи — отсюда культ Жака Деррида, теоретика постмодернизма, основателя деконструктивизма и профессора философии Grandes Ecoles. Для интеллектуалов 1970–1990 годов труды Деррида «О грамматологии» (1967), «Письмо и различие» (1967) имели не менее важное значение, чем «Капитал».

ЖИЛЕТ GIORGIO ARMANI (GIORGIO ARMANI)

СМОКИНГ С РУБАШКОЙ ERMENEGILDO ZEGNA (ERMENEGILDO ZEGNA)

ПАЛЬТО LORO PIANA (LORO PIANA)

ПИДЖАК BRIONI (BRIONI)

БРЮКИ ERMENEGILDO ZEGNA (ERMENEGILDO ZEGNA)

РУБАШКА CAROL (BOSCO UOMO)

ПИДЖАК BOGLIOLI (BOSCO UOMO)

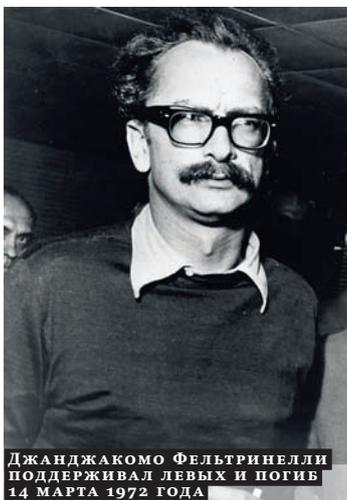
РУЧКА S.T. DUPONT (ЦУМ)

ПИДЖАК TOMVOLINI (BOSCO UOMO)

СУМКА RALPH LAUREN (RALPH LAUREN)

КОРОВКА ДЛЯ ЧАСОВ BRIONI (BRIONI)

ЗАЖИГАЛКА S.T. DUPONT (ЦУМ)

Джанджакомо Фельтринелли поддерживал левых и погиб 14 марта 1972 года

Капиталист, спонсирующий из собственного кошелька революционные партии, — фигура столь же древняя, как и сам капитализм. Самым ярким представителем этого уникального батальона принято считать Джанджакомо Фельтринелли. Отпрыск благородной фамилии итальянских промышленников, видный член Компартии, подорвавшийся на самодельной бомбе, был заменителем плейбоя, заядлым модником и четыре раза сочетался законным браком. Для таких леворадикальных героев, как Джанджакомо Фельтринелли, всемирная революция действительно не имела «ни начала ни конца». Она была перманентным делом, главным жизненным приключением.

банкир

ЗАЖИМ ДЛЯ ДЕНЕГ S.T. DUPONT (ЦУМ)

ЗАПОНКИ PATEK PHILIPPE (MERCURY)

ЧАСЫ VACHERON CONSTANTIN PATRIMONY 1968 (VACHERON CONSTANTIN)

ТУФЛИ POLO RALPH LAUREN (ЦУМ)

ТУФЛИ BRIONI (BRIONI)

ЧЕМОДАН BOTTEGA VENETA (BOTTEGA VENETA)

РУБАШКА PAUL SMITH (PAUL SMITH)

ПУЛОВЕР RALPH LAUREN (RALPH LAUREN)

СУМКА BOTTEGA VENETA (BOTTEGA VENETA)

БРАСЛЕТ JOHN HARDY (ЦУМ)

РУБАШКА DOLCE & GABBANA (DOLCE & GABBANA)

РУБАШКА ETRO (ETRO)

ФУТБОЛКА JIL SANDER (JIL SANDER)

ДЖИНСЫ KITON (KITON)

РЕМЕНЬ DOLCE & GABBANA (DOLCE & GABBANA)

ДЖИНСЫ EMPORIO ARMANI (EMPORIO ARMANI)

ШЛЯПА PAUL SMITH (PAUL SMITH)

ЗАЖИГАЛКА S.T. DUPONT (ЦУМ)

ХИППИ

КЕДЫ PAUL SMITH (PAUL SMITH)

СУМКА HERMES (HERMES)

ШЛЯПА PAUL SMITH (PAUL SMITH)

ШЛЕПАНЫ BOTTEGA VENETA (BOTTEGA VENETA)

БРАСЛЕТ JOHN HARDY (ЦУМ)

ЗАПОНКИ PAUL SMITH (PAUL SMITH)

ШЛЕПАНЫ HERMES (HERMES)

АЛЬБОМ PAUL SMITH (PAUL SMITH)

«Иисус Христос — суперзвезда». РЕЖИССЕР НОРМАН ДЖУИСОН. 1973

Субкультура хиппи стремительно стала объектом коммерции. Стиль хиппи — длинные волосы, свободная одежда ярких цветов, дешевые украшения с национальной тематикой (прежде всего индийской) — проник в буржуазные европейские круги уже в 1967–1968 годах. Именно в этот сезон ряд французских модных домов выпускает коллекции в стиле хиппи: чуть расклешенные брюки, свободные хлопковые рубашки, сумки-торбы, костюм дополняется бижутерией из веревки и деревянных бусин. Стиль оказался важным и для моды начала 1970-х: индийские туники, платья-рубашки, веревочные сандалии стали модными благодаря шоу-бизнесу, мюзиклу «Волосы» и рок-опере Эндрю Ллойда Уэббера «Иисус Христос — суперзвезда».

От рассвета до Засара

Гватемальский ром и «рабский труд»

Илья Нагибин |

ПОКА НА ТРОСТНИКОВЫХ ПЛАНТАЦИЯХ ЖУРНАЛИСТЫ ПОЗНАЮТ СУТЬ СЛОВСОЧЕТАНИЯ «РАБСКИЙ ТРУД», В «ДОМЕ НАД ОБЛАКАМИ» ПРОИЗВОДЯТ РОМ ЗАСАРА

РОМ — напиток дерзкий. Не зря его любили революционеры, пираты и литературные харизматики — Че Гевара, Фидель Кастро, герои Роберта Льюиса Стивенсона и Эрнест Хемингуэй. Но приключения самого рома имеют не романтический, а скорее драматический характер.

Сахарный тростник, казалось бы, невеста какая палка с листьями, но это растение повлияло на жизнеустойчивость и историю целого континента. На все его будущие войны и революции, обильно политые ромом. Тростник завез в Латинскую Америку Христофор Колумб. Торговля тростниковым медом — так раньше называли сахар — была весьма прибыльным делом и поводом не только для захвата территорий, но и для работорговли. В середине XVII века образовался «торговый треугольник» — в Америке производили ром, везли его в Африку, где меняли на рабов, а их везли на Карибы на плантации. Рабов меняли на тростниковую патоку, из которой в Америке гнали ром.

Среди существующих сортов рома гватемальский ром Засара — особенный, независимый. Потомки индейцев производят ром, который относят к разряду «сельскохозяйственный». Это значит, что его делают не как побочный продукт производства сахара, что происходит в большинстве других стран, а используют тростниковый сок только первого отжима. Объемы производства невелики, набор уникальных свойств Засара получил мировое признание: четыре года подряд этот ром получал звание лучшего напитка в категории премиум на ромовом «Оскаре» — International Rum Festival tasting Competition.

Вибрирующий, как стиральная машина в режиме отжима, вертолет поднимается на высоту 2,3 тыс. м над уровнем моря в «Дом над облаками» — так называется ме-

сто производства Засара. Хозяйничает в доме дама — мастер купажа сеньора Лорена Васкес. Принято считать, в Европе по крайней мере, что мастер-дистиллер и мастер купажа — это сугубо мужские специальности.

Легенд о том, что ром Засара придумали древние индейцы майя или испанские конкистадоры, не существует. Его начали производить сравнительно недавно, в 1979 году, и назвали в честь города на западе страны в связи с каким-то юбилеем его основания. Зато для производства взяли лучшие из испанских, американских и французских традиций.

Сначала спирты выдерживают по методу солера (solera, буквально — самая старая бочка) — так в Испании делают херес. Для производства Засара обожженные бочки из белого американского дуба заливают выгнанным из тростника спиртом и устанавливают в три-пять ярусов, образуя пирамиду. Бочки соединены друг с другом шлангами. В верхнем ярусе самый молодой дистиллят, в нижнем — самый старый. Ни одна из бочек, никогда не опустошается полностью, а только на 1/3 или 1/4. Количество, которое изъято из бочек нижнего яруса, замещается таким же количеством из верхних бочек. Как говорит госпожа Васкес, «молодые спирты делятся со старыми своей энергией и силой, а старые спирты оставляют отпечаток своей мудрости и опыта».

Затем ром выдерживают в бочках из-под американского виски, и, наконец, Засара XO последние два года выдерживается в бочках из-под французского коньяка. На высоте 2,3 тыс. м над уровнем моря при круглогодичной температуре воздуха 14–15 градусов испарение спирта происходит медленно. Это позволяет иметь выдержку 23–25 лет, сохраняя при этом содержание спирта не менее 40%.

Приходит время спуститься из «заоблачного дома» на землю: тростник растет в низине, на вулканической почве. Здесь нет горной прохлады, и на собственном опыте можно осознать суть выражения «рабский труд». Плантация четырехметровых побегов похожа на низкорослую лесополосу, которую предстоит рубить. Орудие труда — мачете. Есть загнутый односторонний инструмент, есть прямой, чтобы орудовать двумя руками, и самый подходящий, мексиканский, похожий на нашу тяпку для прополки. Сахар в тростнике содержится в самой толстой части, почти у корня, и в дело идет лишь небольшая часть стебля. Ненужная листва отсекается, а оставшиеся стебли складываются в сторону, чтобы не мешались. Уже после двух-трех минут тростниковой гимнастики на жаре думаешь только о воде — прохладной минералке и бассейне. Местные плантаторы, наблюдая за твоими страданиями, добавляют, что раб должен был за день пройти три грядки по 100 м каждая. Собрать и переработать сырье нужно успеть от рассвета до заката: похожая на сладкий пенопласт масса портится от жары.

САХАРНЫЙ ТРОСТНИК повлиял на жизнеустойчивость и историю целого континента. На все его будущие войны и революции, обильно политые ромом

Маленькая «Победа»

О ювелирке Дмитрия Гуржия

Екатерина Истомина |

Брошь
«Спутник
Октября»

Запонки
«Калашников»

Запонки «Победа»

Подвеска
«ВСЕГДА ГОТОВ»

Запонки
«Лимонка»

«Эти вещи не имеют отношения к идеологии»

Когда я сделал коллекцию со значками советского периода, половина друзей тут же отвернулась от меня. Они решили, что я стал сталинистом. Тогда я выпустил коллекцию, используя монархистскую и белогвардейскую символику. И со мной перестала здороваться другая половина друзей. Эти люди решили, что я стал монархистом. С монархистами я выдержал массу гневной критики. Потомки белогвардейцев писали мне письма из Франции. Дескать, вы делаете предметы, которые может теперь купить и надеть каждый. А ведь за них наши деды кровь проливали! Но я должен объяснить следующее, и я объяснял это тогда, когда меня забрасывали письмами: я не делаю никаких копий. Это вещи, лишь напоминающие белогвардейские ордена. Это вещи, только похожие на советские значки. Мы изменяем существовавший исторический дизайн на 50 процентов. И все наши предметы не имеют отношения к какой бы то ни было идеологии.

ИСТОРИЯ маленького, но действительно яркого бизнеса Дмитрия Гуржия стартовала в кризисном 1998 году. «Денег особенных тогда не было, чтобы чем-нибудь себя порадовать, и вот поэтому я решил собирать старую советскую технику», — рассказывает сегодня бизнесмен. Для начала он купил старую, 21-ю «Волгу» 1961 года выпуска, а потом к ней добавил военный мотоцикл «Урал» с мощной гремучей коляской. «Этот „Урал“ ценится среди коллекционеров, ведь это „Баварские моторы“, реальный мотоцикл BMW 1938 года. Передовые технологии были вывезены из Германии после мировой войны». Дмитрий Гуржий испытывает к своим движущимся динозаврам истинную пламенную страсть: на персональном «Урале» он на регулярной основе принимает участие в различных пробегах и, в частности, блеснул на трассе Петербург—Москва. «Это был искрометный пробег, посвященный открытию выставки 250-летия американского искусства. Мы стартовали от Исаакиевского собора вместе с актером Деннисом Хоппером и практически нос к носу шли с ним всю дорогу. Но буквально в 10 км от Пушкинского музея мой бедный несчастный „Урал“ рассыпался на 33 части. А я должен был довести в коляске Ирину Антонову! И такой конфуз. Но ее довез Джереми Айронс».

От больших советских форм Гуржий логическим образом перешел к формам малым. «Я увидел всю красоту советской техники, то есть я давно ее чувствовал и много раз просил своих западных партнеров сделать какие-нибудь специальные советские вещи, коллекции. Они не отказывались, но все равно — это было по остаточному принципу». Словом, он решился. Марка Goujji была зарегистрирована в 2006 году. Работу на новорожденном предприятии начали с мелкой пластики: первая коллекция бренда Goujji называлась «Безусловные знаки».

«Я подумал, что старые советские значки могут сегодня стать запонками, я долго размышляю над проектом, собственно время моих размышлений есть самый долгий процесс в производстве», — говорит Дмитрий Гуржий. Все золотые «советские» или «монархические» предметы, выпущенные под маркой Goujji, сделаны в «ювелирной столице» Италии — Валенце.

«Все получилось случайно. Я всегда интересовался эпохой Муссолини и однажды познакомился с молодым человеком, он историк в Миланском университете и активно занимается партизанским движением того периода. Именно Пьер Франческа Манка стал делать нам запонки советские и вообще предметы в тоталитарном стиле», — рассказывает Дмитрий Гуржий.

Дебютная линия Goujji «Безусловные знаки», в которую вошли «перекроенные» миланским специалистом по партизанскому движению значки — пионерские, октябрятские, ГТО, оказалась успешной в коммерческом плане. За ней последовало новое собрание, получившее гордое имя «Легенды техники». «Мой любимый музей с детских лет — это Музей советской

армии, какие там танки, какие зенитки!» — довольно и кровожадно восклицает бизнесмен.

Дмитрий Гуржий и его команда (с ним работают молодые дизайнеры из Строгановки) перевели в режим мелкой драгоценной декоративно-прикладной пластики мотоцикл «Ява», первый «Запорожец», самолет И-16 («так называемый «ишачок», на котором летал Чкалов»), а также МиГ-15 («самолет, который обеспечил русским и китайцам превосходство в корейской войне»). Все предметы бренда Goujji обязательно лимитированы: 1964 штуки появляются в серебре и 111 — в золоте. За изготовление золотых вещей несет ответственность историк и партизан Пьер Франческа Манка, а вот серебряные изделия выпускает небольшой московский заводик.

Дмитрий Гуржий специально подчеркивает, что все предметы, несмотря на свой внешний вид, не имеют никакого идеологического содержания. «Единственная идеология, которую я хотел бы, возможно, показать в своих работах, — это философия евразийского пространства, то есть той самой территории, одной шестой части суши, которую занимает Россия», — говорит этот капиталист романтического толка. У Goujji есть показательная в этом смысле линия, в которую входят запонки, где задействованы поделочные сибирские камни: малахит, ляпис-лазурь, яшма, сердолик, оникс. Секрет его мастерства и его, вне сомнений, успеха в том, что Гуржий делает эти вещи для себя самого и для таких, как он сам. «Мы помним детство, предметы, атмосферу, мои вещи — это маленькая ностальгия, это просто небольшие воспоминания», — заключает он.

СЕРГЕЙ ИКСЕЛЕН

духи

1. Garage от Comme des Garçons, запах машинного масла
 2. Tom of Finland от Etat Libre d'Orange, аромат мыла и шампуня
 3. Rain от Demeter Fragrance Library, предгрозовой запах озона
 4. Adventure от Il Profumo, абсент и полынь
 5. Monocle Scent One: Hinoki от Comme des Garçons, запах деревянной бани под открытым небом
 6. Tam Dao от Diptyque, свежее обтепанное дерево
 7. Re-Charge Black Pepper от Molton Brown, черный перец
 8. Duel от Annick Goutal, горящие древесные поленья
 9. 1740 Marquis de Sade от Histoires de Parfums,

запах грубо выделанной, но уже поношенной кожи
 10. Bois d'Encens от Giorgio Armani Prive, церковный ладан
 11. Askew от Humiecki & Graef, березовый деготь
 12. Fat Electrician от Etat Libre d'Orange, запах французского клошара
 13. Odeur 53 от Comme des Garçons, песок пустыни, огонь, каучук и кислород
 14. L'Eau от Serge Lutens, аромат свежестиральной рубашки
 15. 03 Lonestar Memories от Tauer Perfumes, березовый деготь, смола и деревяшки
 16. M/Mink от Byredo Parfums, чернила
 17. Wonderwood от Comme des Garçons, свежеспеленная елка

МАШИННОЕ МАСЛО, АБСЕНТ,
 полынь, каучук, смола. Черный перец,
 горящие поленья, солоноватая кожа.
 Песок, деготь, бумага, чернила.
 Елка, ладан, нагретое в бане дерево

Советский космос

О «Луноходе» Константина Чайкина

Алексей Кутковой |

ИНОГДА лучших среди нас осе- няют идеи. Изобрести всемирный язык, придумать метод проникновения в глуби- ну космоса, научиться делать деревянные часы...

Я помню, как пришло электронное пись- мо от незнакомого мне тогда питерского мастера, который говорил, что в одном из своих обзоров я высказал предположение, что, может быть, появится когда-нибудь и российский турбийон. Он решил сделать турбийон и сделал его, и эта история пока- залась мне более занимательной, чем сказ- ка о Золушке.

Для того чтобы из советских настоль- ных часов «Весна» Пензенского часового завода «родился» первый российский тур- бийон, Константину Чайкину пришлось потратить немало времени и средств. Это только в не вполне грамотно написанных пиаровских текстах часовщики кропотли- во делают все вручную. Да, многое они де- лают вручную, но, как правило, на станках. В этом и состоит особенность традицион- ного часового дела — множество операций требуют наличия специфических стан- ков и приспособлений. Пять месяцев, по- траченных Чайкиным на доводку до ума

«первенца», позволили ему не только на- сладиться видом вращающейся каретки собственного турбийона — это удоволь- ствие мало кому доступно, — но и понять, что это такое — самому делать часы.

Продолжение было и ожидаемым и не- ожиданным. Ожидаемым — потому что логично было предположить, что рос- сийский часовщик постарается найти какой-то особенный путь в часовом деле (суверенная демократия, но по-другому). Неожиданным — потому что Чайкину удалось изобрести уникальный «веч- ный» указатель даты наступления прав- ославной Пасхи. По его утверждению, это наиболее сложная часовая констру- кция в мире, предназначенная для указа- теля с единственной стрелкой... Не буду утверждать, так это или не так, не про- верял, чем патекровский указатель като- лической Пасхи проще чайкинского, но

его конструкция действительно очень сложна.

И вот — новый проект с говорящим на- званием «Луноход», который был представ- лен Чайкиным в конце марта на выставке BaselWorld. Слово «луноход» на сленге рос- сийских часовых мастеров обозначает часы с указателем фазы Луны, и Чайкин обыграл эту тему, привязав часы также и к «совет- скому лунному трактору» (вспоминаем Вы- соцкого). Объемный указатель фазы Луны находится в центре корпуса под сапфиро- вым «куполком», особенностью его констру- кции является то, что, как и настоящая Луна, которая все время обращена одной сторо- ной в направлении Земли, изготовленная из булатной стали 12-миллиметровая по- ловинка шара указателя зафиксирована, а тень — черненная полусфера — вращается вокруг нее. Текущее время указывается на полукруглой шкале, охватывающей «Луну» (часы: до полуночи — солнышком, после по- луночи — полумесяцем), и на маленьком циферблате внизу (минуты). Корпус — так- же булатный, хотя Константин планирует выпустить серию часов с корпусами из дру- гих металлов.

Чайкин — не только тот человек, кото- рый делает себя сам, но и человек, который предпочитает делать все сам. Это его силь- ная сторона, но в этом была и его слабость. Наконец-то он перестает быть мастером на все руки — дизайн «Лунохода» был сделан питерским специалистом Викентием Гряз- новым, и положительные стороны этого сотрудничества должны быть очевидны каждому, кто помнит предыдущие работы Чайкина и держал в руках первый прото- тип «Лунохода».

Константин Чайкин «Луноход»

«Предпочитаю и вправду быть независимым»

Я сделал часы и назвал их «Луноход», чтобы напомнить о том, на какие технические подвиги мы были когда-то способны. Жаль, что сейчас все это подзабылось. Мне приходится рассказывать людям о том, как это когда-то было. Как летали космиче- ские станции, как высаживались ро- боты. Помнят только высадку амери- канцев, помнят Гагарина, все осталь- ное забылось, как будто бы было при Колумбе.

Я работаю в Петербурге, и дело по- ставлено так, что я могу ни от кого постороннего не зависеть. Все, что мне надо, у меня есть. Поэтому я не слушаю пока что уговоров пере- браться в Швейцарию. Здесь все пре- красно устроено для таких, как я, ча- совых инженеров. Только работай, придумывай. И все, что ты придума- ешь, здесь смогут сделать. Но мне не хочется бросать свой город. Не знаю почему, но не хочется.

Вроде бы приняли в Академию неза- висимых часовщиков, и на Базель- ском салоне я уже не первый год, вместе с другими мастерами ANCI (Academie Horlogere des Createurs Independants), но я предпочитаю и вправду быть независимым. Мне ка- жется, главное в том, чтобы тебе было интересно работать, и какая разница — будет ли это в чужой Же- неве или у тебя дома.

СЛОВО «ЛУНОХОД»

на сленге российских часовых мастеров обозначает часы с указателем фазы Луны, и Константин Чайкин обыграл эту тему, привязав часы также и к знаменитому советскому лунному роботу

Хрупкость социализма

О фарфоре Игоря Клименкова

Екатерина Истомина |

«Мы боялись рисовать Хрущева»

Помню, что очень смешно было: однажды мои сотрудники в мастерской на Таганке чуть было не забастовали. Тогда я как раз запустил линию фарфора — тарелки с изображением советских вождей. Тарелки с генеральными секретарями мои сотрудники сначала опасались делать. Русских императоров они никогда не боялись, а вот Хрущева с Брежневым — очень. Видимо, какая-то генетическая память. К советской тематике отношение у всех особое, ведь мы из той эпохи. Нашему самому старому мастеру Виктору Веняминовичу Викторову 65 лет. Он потомственный мастер фарфора, его отец работал еще в Вербилках, а дед — на заводе Кузнецова. Впрочем, для меня советские времена — это уже что-то довольно далекое. Уже многое из памяти выветрилось. Но я с чувством отношусь к нашей продукции, сделанной в советской стилистике. Например, к нашему напольному «Гагарину» или же к скульптурам в духе 1970-х годов — к «Девочке с кошкой» или к той, что называется «Квас пьют». Я ведь не типовой бизнесмен. Я просто люблю декоративно-прикладное искусство.

«Девочка с кошкой»

«Пограничник с собакой»

«Пакет молока»

«Наградная кружка»

ИГОРЬ КЛИМЕНКОВ

родился во Владивостоке, 20 лет прожил в Сиэтле («поднимал интернет-бизнес»), а сейчас делит время между Москвой и Парижем. В Париже у Клименкова семья и терьер Тоша, а в Москве упорно колосится и расцветает фарфоровый заводик. Это художественная мастерская и фарфоровое производство в одноэтажном домике на улице Талалихина, на Таганке, напротив Покровского монастыря. Заказов много, а мастеров не очень: работают всего 20 человек, но это преданные делу «фарфоровой революции» люди.

Фарфоровый заводик Игорь Клименков завел из любопытства, но не совсем, впрочем, случайно. «Моя жена собирала старый фарфор. Потом к ее хобби подключился и я. Так у нас появилась семейная коллекция», — рассказывает Игорь Клименков. Со временем ему приелся интернет-бизнес и экологически чистый Сиэтл. «Я вдруг понял, резко так, знаете, внезапно понял, что фарфор — это то, чем я хочу по-настоящему заниматься в этой жизни», — продолжает господин Клименков. Он продал свои интернет-активы и перебрался в Москву. «У меня не было амбиций вроде возрождения промысла, сохранения традиций. Мне нравилось просто работать с фарфором. Мне лично нравится вот такое прикладное, такое маленькое, если хотите, искусство», — говорит он.

Игорь Клименков не персонаж из драматических недр искусства, а герой компьютерного бизнеса, и, возможно, именно поэтому он неисправимый оптимист. Не желая возрождать ремесло и традиции, он сделал как раз это. Позади десять лет труда, а на руках собственный заводик с полным циклом производства и уже две фарфоровые марки. Одна по имени Klimentkoff — это марка коллекционного фарфора с полнокровной ручной росписью, всего под этим лейблом выпускается 248 предметов в год. Вторая — бренд Tag4 — предлагает более массовый, бюджетный продукт. С фарфором Klimentkoff в буколическом домике на Таганке работают только опытные мастера. «А над более простым фарфором Tag4 трудятся ученики, я ужасно рад, что молодежь к нам приходит работать! Мы всех приглашаем, кто имеет желание общаться с фарфором», — гордится Игорь Клименков. Его радость объяснима еще и тем, что на первых порах создания марок и заводика Клименкову вообще мало кто верил. «Когда я принимал своих будущих сотрудников на работу, они смотрели на меня с легким скепсисом. Мол, посмотрим, что у тебя получится!» — объясняет Игорь Клименков.

Фарфор у него выходит разный. Есть «французские штучки» вроде фарфоровых

капустных кочанов, нарезных батонов, чеснока, лука — в духе Кузнецова. Есть парадные ампирные образцы с золочением, с блестящими, словно надушенными портретами русских императоров. Есть «дамский» фарфор — будучи безделушкой вроде статуэток толстеньких шиншилл, фарфоровые влюбленные парочки, вазы, таблетницы, подставки для мелочи. Есть «детский» фарфор, есть расписные елочные игрушки.

Отдельная история — это советский фарфор, который выходит как поддорогим брендом Klimentkoff, так и под демократичным Tag4. Фарфоровое наследие советской империи стоит разделить на две части. Первая — предметы в духе легендарного агитационного фарфора. Вторая — советский бытовой фарфор. К последней части относятся и забавные экзерсисы — фарфоровые пакеты из-под молока, отрывные календари из фарфора, посуда с изображением советских лидеров от Ленина и Сталина до Брежнева.

«Советские вещи — скульптуры или посуду — мы делаем по старым фотографиям, которые приносятся нашими сотрудниками из дома. Все это долгая работа. Ведь это не совсем копии, а эскизы. Это воспоминания, это ностальгическое настроение, застывшее в фарфоре», — говорит Игорь Клименков.

ФАРФОРОВОЕ НАСЛЕДИЕ советской империи разделено Клименковым на две линии. Первая — предметы в духе легендарного агитационного фарфора. Вторая — советский бытовой предмет, милый и ностальгичный

СЕРГЕЙ КИСЕЛЕВ

Рэйволюция

Лучше всего продается антибуржуазная музыка

Юрий Яроцкий |

M.I.A.

«Н.О.М.»

Вуди Гатри

Джил Скотт-Херон

M.I.A.

Боб Дилан

ВЫРАЖЕНИЕ «революционные песни» сразу вызывают в памяти «Интернационал» или «Варшавянку». Но на самом деле это глубоко вчерашний день, часть истории прошлого века, не более того.

Современного революционера — хоть антиглобалиста, разбивающего банковскую витрину в лондонском Сити, хоть кого-то из солдат армии субкоманданте Маркоса — трудно представить поющим «Нам ненавистны тиранов короны / Цепи народа-страдальца мы чтим»; этот стиль был в моде недолго и вышел из нее почти сразу после того, как стал частью официоза, пусть и вполне революционного по своему происхождению. Песни, которые можно было в той или иной степени назвать революционными, стали звучать по-другому.

Пожалуй, самую главную бунтарскую песню за последние полувек — «The Revolution Will Not Be Televised» — написал в 1970 году двадцатидесятилетний уроженец Чикаго по имени Джил Скотт-Херон. Точнее, это была даже не песня, а поэма, превращенная в нервную мелодекламацию, один из образцов того стиля, который спустя 10 лет дал жизнь рэпу: «Революция не будет представлена вам компанией Хегох в четырех частях без перерывов на рекламу [...] Революция не будет казаться лучше с „Кока-колой“, революция не справится с бактериями, вызывающими запах изо рта [...] Революция не будет снова передана в записи, братья — революция придет живьем». Текст кажется вполне актуальным, как и сам Скотт-Херон, который мало того что в свои 62 года не так давно выпустил очень удачный и интересный альбом, но и не потерял способности попадать в кулуары за попытки ввоза в разные страны запрещенных веществ.

Главная протестная музыка последних десятилетий часто звучала довольно тихо. Например, одна из главных — «The Times They Are A-Changin'» Боба Дилана: гитара, губная гармошка, никаких упреков и обвинений, почти одна только констатация — «времена меняются, не забывайте об этом, не думайте, что все останется как прежде». Примерно так же тихо звучала и другая великая песня, написанная и спетая еще в 1940 году Вуди Гатри «This Land Is Our Land»: слова, которые в ней говорились, чтобы их все поняли, не нужно было петь громко. Примерно о том же, и тоже безо всякой истерики примерно тогда же пела Билли Холидей в «Strange Fruit», где странным фруктом среди ветвей было тело линчеванного негра. Такие негромкие проповеди (хоть конечно и не только они) оказались действенными — со временем сегрегацию отменили, а линчевать кого бы то ни было в США стало по-настоящему неприлично.

Отмена сегрегации, конец войны во Вьетнаме, отставка Шарля де Голля — во всем этом массовое искусство, и особенно музыка, сыграло свою роль. А когда миссия

в общем и целом начинала казаться законченной, все еще вчера революционное становилось частью мейнстрима. Довольно быстро откровенное бунтарство стало эффективным маркетинговым инструментом, а что может быть хуже, чем если враг использует против тебя свое же собственное оружие.

Можно говорить все, что угодно, как, например, дочь тамильских сепаратистов по прозвищу MIA, спевшая в песне «Paper Planes» буквально «все, что я хочу, это забрать твои денежки» — ничего не случилось, кроме того, что песня отлично продается, а сама певица купила себе особняк в Лос-Анджелесе и с тех пор тщетно пытается сымитировать что-то антиобщественное. Проблемой становится твоя собственная популярность.

Но есть и противоядие. Например, что-то максимально обезличенное, как, например, вся та музыка, под которую в 90-е состоялась рейв-революция. Ее отдельно взятые исполнители ничего не значили, зато имели значение многотысячные нелегальные рейвы, которые предлагали и наглядно находили спрос на совсем другие, чем у обывателей, ценности. Здесь вспоминается творчество нашей остроумнейшей группы НОМ — «Мы — не такие, как вы, и ценности ваши как дым марихуаны для нас!!!! Игла нам заменит Родину, которую вы разбазарили, а музыка рэп и рэгги — гимн против вашей сытости». Жизнь предъявила удивительный парадокс — вашу и нашу свободу оказалось до определенной степени возможным завоевать без баррикад и демонстраций, а просто буквально за нее сплывав под любимого диджея. Другое дело, что в этом все равно есть что-то похожее на розу, засунутую в дуло пушки.

Против стрелки Футуризм вырывается из-под классических циферблатов

Алексей Кутковой |

ФОТОBANKGETTY IMAGES

TAG HEUER
MONACO V4

ОНИ СТРЕМЯТСЯ поразить наше воображение новыми механизмами, хитроумными конструкциями и невиданными ранее функциональными возможностями. Даже тогда, когда они решают закамуфлировать свои поиски нового под изящную наружность «как будто классических» часов.

И это не то, что можно было бы назвать технической мимикрией, скорее, они говорят нам: «Смотрите, как мы можем быть в своей экстравагантной взрывной изобретательности внешне спокойными и традиционалистски настроенными! Особенно изящно это сделал Жан-Марк Видеррехт в часах Arceau Le Temps Suspendu, выполненных в сотрудничестве с Hermès. Если в предыдущих своих работах, тех, что стоит назвать «громко прозвучавши-

ми», «Опусе 9» фирмы Harry Winston или часах Pont des Amoureux фирмы Van Cleef & Arpels, Видеррехт был подчеркнуто оригинален, то придуманные им часы для Hermès внешне никак не отличаются от самых обычных моделей с секторным указателем даты. Даже кнопка, что на корпусе справа, не вызывает наших подозрений: должна же быть кнопка для коррекции указателя даты! Он действительно очень хорошо спрятал этот сюрприз — нажимаешь кнопку, часовая и минутная стрелки поднимаются к метке «12 часов» и там остаются, а стрелка указателя даты прячется. Надоело? Нажимаем на кнопку еще раз, и все стрелки как по команде возвращаются на свои рабочие места. Он действительно очень хорошо все продумал: эта прячущаяся стрелка указателя даты тем самым играет роль индикатора доверия — если ее нет, тому, что показывают часы, мы не верим (мы вне времени), если она есть, значит, мы уже вернулись в реальность.

Не менее изобретателен Доминик Луазо, часовщик, создавший механизм центрального турбийона для Omega и «1735» для Blancpain (и это самый краткий список его достижений). Шесть лет он работал над своими часами 1f4 (это не просто случайно набранная последовательность символов, именно так называются его часы — 1f4). Большой и малый бой, турбийон, минутный репетиер, вечный календарь, сплит-хронограф, указатель времени второго часового пояса... Назвать эти часы сверхсложными (Supercomplication) было бы мало. Несколько нетривиальных изобретений выводят их за рамки этой наиболее престижной в часовом деле категории. Остановимся на одном из них. Дело в том, что механизм этих часов дважды автоматический (и это не то же самое, что дважды Герой Советского Союза). Своя система автоматического завода есть у механизма боя и у механизма, осуществляющего все остальные функции. Но где эти два ротора системы автоматического завода? Посмотрите на фотографии — их не видно. Под циферблатами? Нет. Они смотрят на нас

HARRY WINSTON
OPUS ELEVEN
BY DENIS GIGUET

бриллиантом на ободке на лицевой стороне и сапфиром на ободке на оборотной стороне. Эти ободки и есть те роторы, что мы потеряли. Они настолько точно обработаны и прецизионно установлены, что, если бы не выдающий их драгоценный камень, на глаз их движение было бы незаметным.

Еще одно «дело о роторе» сотворили умельцы из компании Blancpain в новых часах L-evolution Tourbillon Large Date Ref. 8822. Автору изобретения — Марко Роша из фабрики механизмов Frederic Piguet — пришла в голову идея расположить указатель запаса хода на вращающемся роторе системы автоматического завода. В самом деле, есть циферблат, где не всегда хочется видеть лишние стрелки, и есть пустующая оборотная сторона часов, где есть только ротор... Пусть он работает, и не только на завод механизма. И опять довольно сложная колесная система, позволяющая этой штуке работать, скромно спрятана.

В Breguet также укрыли под красивой наружностью часов Classique Hora Mundi Ref. 5717 весьма сложную конструкцию, позволяющую переключать индикацию времени между двумя часовыми поясами. Внешне все выглядит очень просто: нажал кнопку, что рядом с меткой «8 часов», и все указатели (текущее время, дата, «день/ночь», «город») переключились с одного часового пояса на другой. Здесь тоже, как и в часах L-evolution Tourbillon Large Date, не обошлось без использования пары планетарных колесных передач, но, видимо, будущее высокого часового искусства без них уже немислимо.

Все ли часовщики прячут свою креативную энергию под классическими «одеждами»? Конечно, нет. Как можно скрыть

HUBLOT MASTERPIECE
"MP-02 KEY OF TIME"

МОГУТ ЛИ ЧАСОВЩИКИ спрятать свою креативную энергию под классическими «одеждами»? Конечно, нет. Не все пойдут на такой компромисс. Как можно скрыть запрограммированный микромеханическими средствами азарт?

запрограммированный микромеханическими средствами азарт? (Даже прокурорским это не удастся.) Кристоф Кляре в своих часах 21 Blackjack все выставляет напоказ: на циферблате восемь окошек для игры блек-джек, ротор системы автоматического завода на оборотной стороне — рулетка, в окошке рядом с заводной головкой — игральные кости. Настоящие игровые часы — Кристоф Кляре продумал возможность того, что, играя, хозяин часов может нажимать кнопки в любом, пусть даже совершенно не соответствующем логике порядке.

Жан-Клод Бивер, глава Hublot, предлагает сыграть в иную игру — в прятки со временем. Всего-то что нужно — это его новые часы MP-02 Key of Time. Вторая головка, что установлена слева, управляет, конечно, не течением времени, но его исчислением. Повернул управляющую временем головку — стрелки замедлились вчетверо (подсказка — зеленый индикатор у метки «1/4 speed»), еще повернул — ускорилось вчетверо, последний раз повернул — вернулось к нормальному исчислению времени, и стрелки тоже вернулись на московское время. Наверное, это самый безопасный способ играть со временем.

А Дени Жиге, напротив, предлагает представить, что время — это головоломка, снова и снова складывающаяся в новую картинку. Этой игре посвящены новые часы Opus Eleven фирмы Harry Winston, и как будто составленный из трех цилиндров корпус только подчеркивает нетривиальный характер установленного в него механизма. Похоже, в Harry Winston уже подошли к пределу того, насколько сложными можно сделать часы, показывающие простейшие для часового дела вещи — часы и минуты.

В TAG Heuer со временем не шутят. Президент TAG Heuer Жан-Кристоф Бабен показал, что он очень серьезно настроен испытать пределы механического искусства измерения времени. После пяти лет, потраченных на запуск в серийное производство инновационного часового механизма

часов Мопасо V4, выполненного на ременной передаче, он мог бы поставить галочку в череде исторических достижений знаменитой часовой марки и оставить эту тему. Нет. В этом году вышла новая ограниченная серия 60 экземплярами Мопасо V4 с отделанным в черных тонах механизмом и корпусом из розового золота и сверхтвердого нитрида кремния. Практически та же история с часами Calibre 360 Chronograph — первым наручным хронографом, способным измерять промежутки времени с шагом в одну сотую секунды. Казалось бы, это и так превыше того, что может себе позволить традиционное часовое искусство. Жан-Кристоф Бабен замахнулся на большее. На значительно большее. Через пять лет после выпуска Calibre 360 он поднял планку вдесятеро выше — до одной тысячной секунды. Разумеется, можно сказать, что немислимо хоть как-то на практике человеку воспользоваться возможностью измерения тысячных долей секунды. Но разве не такие «сносящие крышу» эксперименты показывают нам, что не нужно чего-то особенного для того, чтобы мечтать, видеть за пеленой привычного будущего, думать о Вселенной, всего лишь рассматривая замысловатое переплетение колес часового механизма?

CHRISTOPHE CLARET
21 BLACKJACK

LOUIS VUITTON
TAMBOUR SPIN TIME
HOMME

Дорогие репликанты

Вторая люксовая жизнь народных автомобилей

Юрий Хнычкин |

ФИАТ «ТОПОЛИНО», СПРОЕКТИРОВАННЫЙ В 1957 ГОДУ ДАНТЕ ДЖАКОЗОЙ, — МАНИФЕСТ АВТОМОБИЛЬНОГО НЕОРЕАЛИЗМА

АВТОМОБИЛЬНЫЙ

мир поддавался увлечению стилем ретро, хотя для такой устремленной в будущее индустрии как автопром, такое увлечение нехарактерно. Запустить в серийное производство модель, как две капли воды напоминающую залихватского вида концепт-кар, еще вчера служивший шоу-стоппером Женевского автосалона, — это да, сплошь и рядом поощряется, а копаться в прошлом — как-то не очень. Максимум, что может позволить себе серьезный автомобильный бренд по части обращения к историческому наследию, — это выдать какую-нибудь волнистую подштамповочку на заднем крыле новинки за «генетический код марки», якобы имманентно ей присущий (обычно прием используется в тех случаях, когда публика находится в

легком недоумении от творения нового шеф-дизайнера).

И вдруг все изменилось — то ли маркетологи решили срубить денег на ностальгических воспоминаниях покупателей о первой папиной машине, то ли к власти в автокорпорациях массово пришли представители послевоенного поколения бэби-бума, то ли звезды так встали — но факт остается фактом. На рынок почти одновременно выкатились три мощных репликатора — Chrysler PT Cruiser, Volkswagen New Beetle и MINI (да-да, именно так — заглавными буквами, чтобы подчеркнуть отличие реплики от прародителя, который был просто маленький Mini). Вся троица была сделана по похожему рецепту: симпатичные внешность и интерьер, отсылавшие к оригинальным моделям периода 1940–1960-х годов (только PT Cruiser не воспроизводил определенную модель, а был собирательным носителем ретростиля), и вполне современная техническая начинка. Но что следует отметить особо: все перечисленные автомобили были предумышленно отнесены к категории «нишевых», то есть имеющих ограниченную покупательскую аудиторию. Дав дозированный выход ностальгии, руководители автоконцернов не рискнули переоформить в ретростиле дойную корову бренда — скажем, мини-вэн Chrysler Town & Country или главный автомобиль европейского среднего класса Volkswagen Golf. Это бы-

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ БЫВШЕГО

«народного» автомобиля в дорогуший и гламурный римейк совершенно понятно. Невозможно выпустить действительно современный автомобиль по цене 50-летней давности, если даже попытаться механически воспроизвести оригинал. А место «народного» автомобиля не пустует

ВОЗРОЖДЕНИЕ
ЛЕГЕНДАРНОЙ
MINI ДАЛОСЬ BMW
НЕМАЛОЙ КРОВЬЮ.
В ИТОГЕ — ИХ MINI
ПОЛУЧИЛАСЬ САМЫМ
УБЕДИТЕЛЬНЫМ
РЕМЕЙКОМ

ЗА FIAT 500, ОТДАЛЕННО
НАПОМИНАЮЩИЙ
ОРИГИНАЛЬНУЮ
МОДЕЛЬ, ВЫСТРОИЛИСЬ
ОЧЕРЕДИ СРАЗУ ПОСЛЕ
ДЕБЮТА В 2007 ГОДУ

ло бы, безусловно, креативно, но слишком рискованно — а вдруг как широкие потребительские массы ностальгического замысла не оценят и от марки отвернутся? Из нишевого предназначения новинок неизбежно следовали два вывода. Первый — для уменьшения издержек при разработке «машины не для всех» необходимо применять широкую унификацию с более массовыми моделями (например, новый «жук» был построен на платформе четвертого «гольфа»). Второй — для сохранения прибыльности нишевого проекта при его не вполне ясных рыночных перспективах цена новинки должна быть несколько выше массового продукта, относящегося к тому же классу. Тот же New Beetle в первом году продаж в Европе — стоил в Швейцарии от 25 360 франков, в то время как аналогично укомплектованный и оснащенный тем же двигателем Golf IV — от 24 040 франков.

Тяжелее всего пришлось BMW с запуском MINI. Торговая марка досталась баварцам в портфеле многострадальной компании Rover, которую им так и не удалось вывести в прибыль и оттого пришлось распродать по частям: отделение внедорожников Land Rover — американцам из Ford Motor Company, головной завод в Лонгбридже — инвестфонду Phoenix. В момент этой тотальной распродажи с конвейера еще сходило отметившее 40-летний юбилей творение сэра Алека Иссиониса — Mini Classic, запущенный в производство

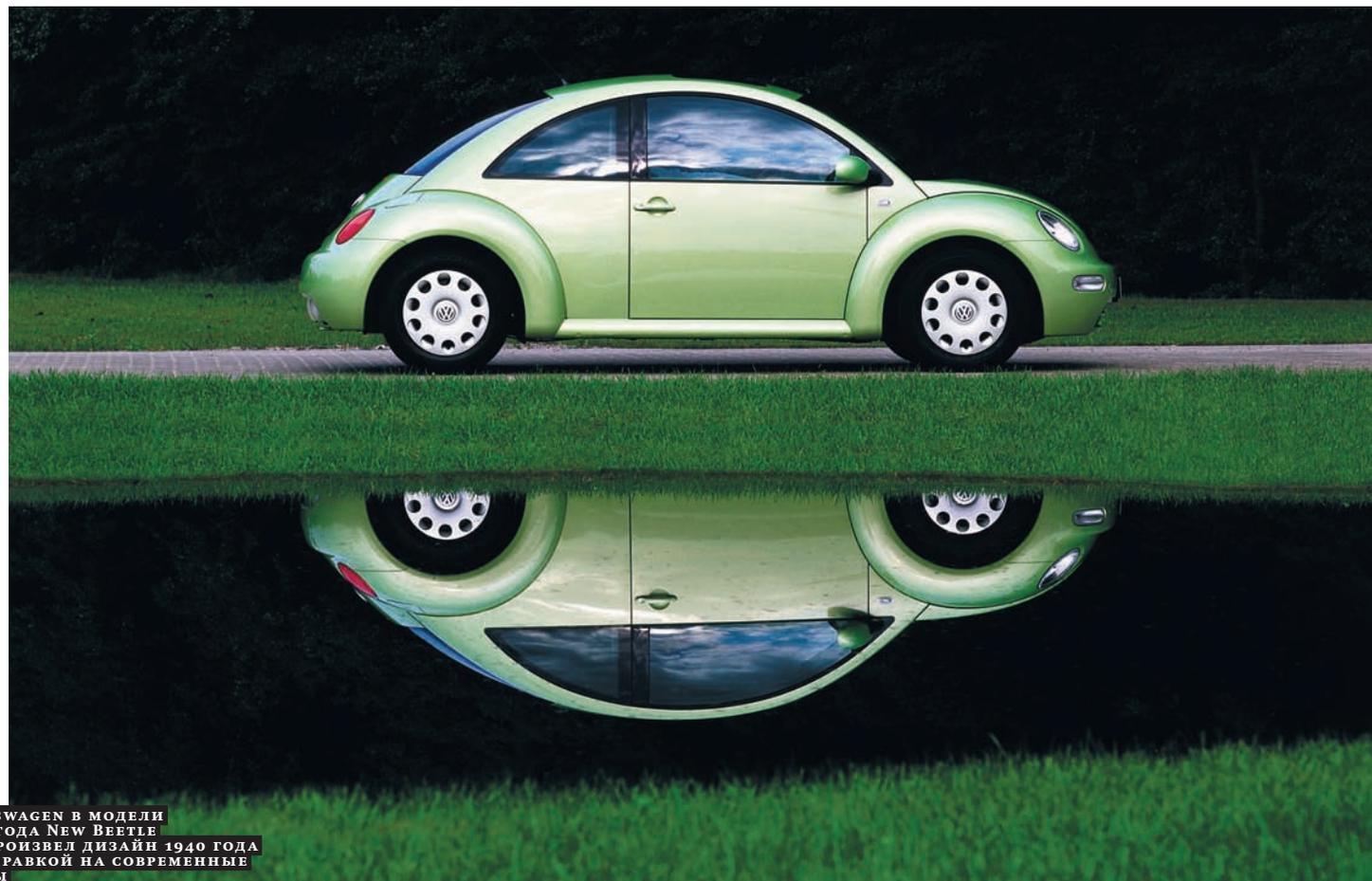
в 1959 году. Требовалось кардинально оосременить крошку, однако в загашниках BMW не было ни переднеприводной платформы, ни двигателей, приспособленных под передний привод. Конструкция была разработана с нуля, под выпуск MINI полностью переоборудован завод в Оксфорде, бензиновые двигатели предоставили американцы из Chrysler, дизели — французы из Peugeot, а немецкая дизайнерская команда BMW столь филигранно воспроизвела британский стиль, что из всей троицы этот римейк получился самым убедительным и эффектным. Одновременно было решено, что MINI будет играть в премиум-лиге, то есть станет одним из самых дорогих представителей автомобильного размерного класса B+. Иначе, впрочем, и быть не могло, учитывая понесенные «Баварскими моторами» расходы на «возрождение легенды».

С момент выхода ретромашин на рынок прошло более 10 лет: и теперь очевидно, что автомобили ретростила не произвели революции в умах покупателей, но свою нишевую роль они играют успешно. Уже пятый год выпускается MINI второго поколения, выпуск VW New Beetle пару лет назад был приостановлен, но этим летом ожидается появление нового поколения модели, и даже ретрохэтчбек PT Cruiser, ушедший с европейского рынка, продолжает продаваться в США, несмотря на периодически возникающие слухи о пре-

ШЕДЕВР
АЛЕКА ИССИОНИСА
AUSTIN MINI
С ПОПЕРЕЧНЫМ
РАСПОЛОЖЕНИЕМ
ДВИГАТЕЛЯ РОДИЛСЯ
В 1959 ГОДУ

крашении производства. Испытанным путем коллег отправился концерн Fiat, предложивший созданную на базе Panda ретро-модель 500, пропорциями напоминающую оригинальную модель 1957 года работы Данте Джакозы. Сразу после дебюта в Европе за машиной выстроились очереди, а теперь итальянцы, получившие в свое распоряжение обширную североамериканскую дилерскую сеть Chrysler, вынашивают планы начать продажи крохотули в США. Вообще, Америка дает изрядный вклад в сбыт репликаторов (скажем, New Beetle задумывался в основном для американцев и из-за этого собирался на заводе VW в Мексике), чего не скажешь о рос-

VOLKSWAGEN В МОДЕЛИ 1998 ГОДА NEW BEETLE ВОСПРОИЗВЕЛ ДИЗАЙН 1940 ГОДА С ПОПРАВКОЙ НА СОВРЕМЕННЫЕ ВКУСЫ

сийском рынке. Попадая сюда, и без того не самые дешевые машинки прибавляют в цене — и окончательно переходят в разряд стильных игрушек. Не способствуют коммерческому успеху и их скромные размеры, да и об эксплуатации сентиментальных чувств в нашем случае можно говорить весьма условно: у кого из россиян папа ездил на оригинальном «жуке»? Кто видел в раннем детстве раскрашенные во все цвета радуги хипповские караваны смешных лупоглазеньких микроавтобусов VW Transporter (между прочим, еще один претендент на реинкарнацию, если судить по представленному в Женеве концепту Bulli)? В ощущениях нам, безусловно, ближе горбатый «Запорожец» — но,

глядя на безуспешные попытки наладить выпуск римейков Trabant по запросам ностальгирующих восточных немцев, понимаешь, что коммерческого успеха реплики моделей, произведенных по эту сторону «железного занавеса», не добьются. По причине изначальной убогости оригиналов. Кстати, для ностальгирующих по временам СССР оригиналов отечественный автопром представляет уникальную возможность приобрести новенькую вазовскую «классику», чья конструкция за сорок с лишним лет практически не изменилась и восходит к оригинальному Fiat 124 — носителю гордого звания «Автомобиль 1967 года». Кроме нас да индусов, все еще производящих (аж с 1954 года!) легендарный Hindustan Ambassador, других примеров столь откровенного долгожительства мировой автопром не знает.

Что же касается перерождения бывшего когда-то «народным» автомобиля в дорожный и гламурный римейк, то в этом нет ничего странного. Невозможно выпустить действительно современный автомобиль по цене 50-летней давности, если даже попытаться механически воспроизвести оригинал. А место «народного» автомобиля не пустует: как знать, не задумаются ли лет через 30 о выпуске римейков (уже, наверное, на электротяге) под названием Renault New Logan? Как вам такая перспектива?

У КОГО ИЗ РОССИЯН

папа ездил на оригинальном «жуке»? В ощущениях нам, безусловно, ближе горбатый «Запорожец».

Зато можно приобрести новенькую вазовскую классику, чья конструкция восходит к оригинальному Fiat 124 — носителю гордого звания «Автомобиль 1967 года»

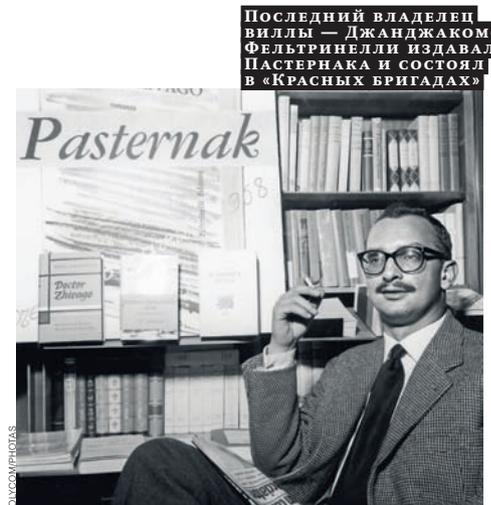
Логово бунтаря

Семейное гнездо Фельтринелли на озере Гарда

Екатерина Истомина |

ПОСЛЕДНИЙ ВЛАДЕЛЕЦ
ВИЛЛЫ — ДЖАНДЖАКОМО
ФЕЛТРИНЕЛЛИ ИЗДАВАЛ
ПАСТЕРНАКА И СОСТОЯЛ
В «КРАСНЫХ БРИГАДАХ»

ВЕСНОЙ 1946 ГОДА

итальянские газеты напечатали снимок: один из самых великих политиков XX столетия — сэр Уинстон Черчилль — возвышается над берегом озера Гарда. Перед ним — мольберт, а в зубах — сигара. Черчилль был известен как рисовальщик («акварелью я успокаиваю нервы не менее быстро, чем коньяком») и путешественник. Всем трудностям дикого туризма отвечать благородной семьи Мальборо предпочитал мрамор гранд-отелей. Однако вилла Фельтринелли, в парке которой неспешно трудился над этюдами Уинстон Черчилль, в тот момент вовсе не была отелем: семейный дом выдающейся, великой итальянской фамилии стал гостиницей лишь в 1997-м. У Черчилля были вовсе не туристические резоны. На вилле он искал свои письма к Муссолини — известно, что британский политик до лета 1944 года довольно благосклонно относился к «бархатному» дуче и состоял с ним в переписке.

Этот дом в модном стиле liberty на берегу озера построил в 1892 году миланский архитектор Альберико Барбиано: земля с лимонными и апельсиновыми деревьями, оливами и кипарисами, а также с сентиментальной деревушкой Гарньяно принадлежала богатому лесопромышленнику Фаустино Фельтринелли. О вилле Фельтринелли «с ее чудесным парком и миниатюрной пристанью» упоминал в своем революционно-сексуальном романе «Любовник леди Чаттерлей» британский писа-

тель Д. Лоуренс. Неоднократно на пристань вступал и итальянский литературный общественный и политический деятель — друг Муссолини, враг Маринетти, Габриэле Д'Аннунцио. Этот неистовый ницшеанец, отдыхая от разного рода борьбы и милитаристских свершений, жил в десяти минутах плавания на лодке.

Добрые пейзажи деревушки Гарньяно, местные жители, с которыми нам не единожды приходилось беседовать о судьбе знаменитой виллы, уверены, что семейное гнездо некогда столь добропорядочной фамилии Фельтринелли «сглазил» Карло Фельтринелли — младший сын Фаустино. Экономист, правовед и пианист-любитель поселился здесь в 1919-м и прожил более 20 лет: перед смертью этот странный человек по неизвестной причине вырубил часть древней апельсиновой рощи.

На противоположном от виллы берегу озера Гарда до сих пор находится маленький городок Сало. Сало, названный однажды гордо «республикой», был последним государственным образованием, проектом, созданным Бенито Муссолини. В конце 1944 года Муссолини покинул Сало и был перевезен вместе с любовницей на пустовавшую виллу Фельтринелли. В апреле 1945-го при наступлении союзников он решил на отчаянный побег, но был опознан партизанами 52-й итальянской армии имени Гарибальди. Диктатора расстреляли 28 апреля 1945 года, а архив Муссолини, в котором были и письма Черчилля, остался на вилле.

В 1947 году в старый семейный дом вернулся законный наследник — Джанджакомо Фельтринелли. Однако молодой сеньор не изъявлял желания поднимать сельское хозяйство и демократически ублажать горстку местных жителей, как это делал его дедушка (капиталист Фаустино Фельтринелли построил на берегах озера Гарда три больницы и пять школ для бедных людей).

Джанджакомо Фельтринелли вел борьбу за освобождение рабочего класса в мировом масштабе: с юных лет этот представитель итальянской золотой молодежи, словно бедный французский интеллигент, любил Льва Троцкого и его теорию перманентной революции. В своих дерзких коммунистических взглядах Фельтринелли был не одинок: массу тематических соратников «вербовали» его книжные магазины Feltrinelli. Впрочем, любовь к коммунизму сыграла с Фельтринелли и шутку: именно он стал первым западным издателем запрещенного в СССР «Доктора Живаго» Бориса Пастернака, но, опубликовав вывезенный контрабандой опальный роман, он навсегда расстался с итальянской Компартией и вынужден был покинуть ее ряды. Но без революционного дела не остался: «красный барон», четырежды женатый красавец-миллионер стал одним из создателей легендарных «Красных бригад» (Brigate Rosso, 1970) — леворадикальной организации, исповедовавшей принципы герильи, партизанской войны. В подвале семейного особняка был устро-

ен склад оружия «Бригад» и даже изготовлялись бомбы. На одной из них 15 марта 1972 года «красный барон» и подорвался: Джанджакомо Фельтринелли собирался совершить теракт, он закладывал бомбу под высоковольтную вышку близ Милана. По неизвестной причине произошел взрыв, и прибывшей на место полиции пришлось констатировать смерть миллионера.

Однако дело «красного барона», состоятельного интеллектуала, сочетавшего труд и капитал, участие в судьбе пролетариата и бизнес-план, ныне живет и процветает. И дело не в вилле Фельтринелли, превратившейся в один из самых дорогих (и действительно прекрасных) отелей Италии. И даже не в том, что в любом крупном городе вы непременно увидите вывеску Feltrinelli на книжных магазинах. Знаменитая фотография, сделанная 5 марта 1960 года корреспондентом «Революции» Альберто Корда — Эрнесто Че Гевара, стала самым прибыльным изображением какого-либо революционера именно благодаря идеологической пронравливости Джанджакомо Фельтринелли.

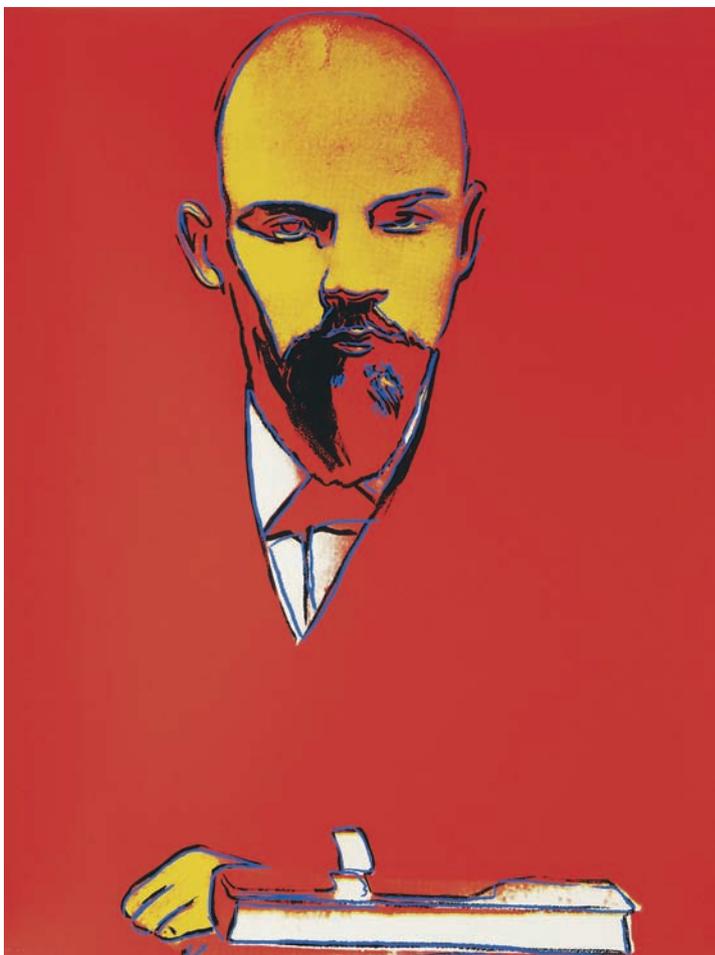
В 1967 году леворадикальный итальянский миллионер нашел кубинского репортера и попросил его продать снимок Че. «Если вы друг революции, то вам не нужно платить!» — заявил Корда. И уже через 10 дней на вилле Фельтринелли были напечатаны первые плакаты с изображением команданте, через 12 дней они поступили в продажу.

Серпы, молоты и молотки

Революционное искусство на аукционах

Татьяна Маркина |

Энди Уорхол занялся Лениными к концу жизни. Этот «Красный Ленин» 1987 года продавался на Phillips de Pury за \$50–70 тыс.

КАРТИНА «ЛЕНИН ПРОВОЗГЛАШАЕТ СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ» ДЛГО КОРМИЛА ХУДОЖНИКА ВЛАДИМИРА АЛЕКСАНДРОВИЧА СЕРОВА — ОН ДЕЛАЛ С НЕЕ АВТОРСКИЕ КОПИИ, ВАРИИРУЯ ПОРТРЕТЫ СТОЯЩИХ ЗА ПЛЕЧОМ ВОЖДА СПОДВИЖНИКОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЬЮНКТУРЫ

Скульптура Натальи Данько «Работница, говорящая речь» 1923 года — один из лучших примеров агитационного фарфора

АРТ-РЫНОК циничен. Он никак не мог пройти мимо такого события, как Великая Октябрьская социалистическая революция — и чем больше забываются ее бесчеловечные подробности, тем с большим удовольствием коллекционеры приобретают связанные с ней предметы.

Все вещи, которые могут появиться в аукционных каталогах со словом «революционный» в описании, можно условно разделить на две большие группы. Это художественные произведения на тему революции (современные ей или поздние) и исторические документы и реликвии (вроде автографов В. И. Ленина), к которым можно отнести нумизматику и фалеристику первых лет советской власти. Есть искушение прибавить к ним искусство, революционное по сути и революции современное, — русский авангард. Тогда вес революционно-аукционного сразу вырастает: парочка супрематических композиций Казимира Малевича, проданных на торгах за последние десятилетия, — вот и \$80 млн.

Карандашный рисунок «Арест Временного правительства» Бориса Кустодиева только что продавался в Москве (с оцен-

кой \$12–15 тыс.), его же чудесная изобильная акварель «Рабочий и колхозник» для журнала «Петроград» 1923 года была продана в прошлом году в Лондоне за \$62 тыс. Акварель «Эскиз освещения Московского Кремля к празднованию 5-й годовщины Революции» конструктивиста Густава Клуциса пять лет назад в Стокгольме стоила \$17 тыс. — сейчас было бы дороже. То же можно сказать о кубофутуристической гуаши «В память о революции. Проект агит-пропаганды» 1921 года Александры Экстер (\$19 тыс. в 2001 году).

К концу 1920-х большинство выдающихся художников подрастеряло свой энтузиазм в отношении правящей власти. Но мастерства не поубавилось — сделанный как чистая «халтура» акварельный эскиз плаката с красноармейцем показывает виртуозное владение техникой акварели Владимиром Лебедевым, прославленным автором лирических обнаженных (продан в Лондоне за \$31 тыс.).

Еще один раздел искусства, в котором революционное содержание неожиданно обрело выдающуюся форму, — агитационные фарфор и ткани. В 1918 году Государственному фарфоровому заводу (бывшему Императорскому и будущему имени Ломоносова) был дан государственный заказ на изготовление бюстов «великим людям в области революции». Последовавший за ним госзаказ на «утилитарно-декоративные предметы с революционными лозунгами»

был еще более плодотворным и инициировал рождение одного из самых известных на Западе и самых продаваемых разделов русского искусства.

Знаменитое блюдо Сергея Чехонина 1923 года «1917 Автографы деятелей Великой Российской Октябрьской революции» в последний раз было продано за \$51 тыс. Такие суммы не удивительны, особенно когда попадают уникальные тарелки или фигурки. Совсем недавно на нью-йоркском аукционе Sotheby's продана пара фарфоровых фигурок «Юный молотобоец» и «Юный жнец» 1926 года, в которых традиции Императорского фарфорового завода довольно наивно приспособлены к новому сюжету. Подорожав на торгах в десять раз, фигурки ушли за \$188 тыс.

Огромный коллекционный потенциал имели бы агитационные ситцы — если бы они попадались на аукционах. Ткани футуристического дизайнера с буквами ВКП(б), ситцы «Серп и молот» входили в начале 1920-х в ассортимент Иваново-Вознесенской фабрики, но на арт-рынке подобные раритеты практически не встречаются.

Необходимость писать историко-революционные сюжеты не отпадала у русских художников чуть ли не до конца XX века. Забавно, последние Ленины с детьми, рабочими и колхозниками соседствовали во времени с первыми образцами соц-арта.

ПАРТИЙНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

В нескольких видах искусства

неожиданно обрело выдающуюся художественную форму —

это агитационные фарфор и ткани

СДЕЛАННЫЙ ВЛАДИМИРОМ ЛЕБЕДЕВЫМ ДЛЯ ЗАРАБОТКА ЭСКИЗ ПЛАКАТА СТАЛ ОДНИМ ИЗ ТОП-ЛОТОВ АУКЦИОНА ГРАФИКИ MACDOUGALL'S

В жанре «серьезки и нетленки» на уровне ленинианы работал Владимир Серов, эпическое полотно которого «В. И. Ленин провозглашает Советскую власть» побывало на арт-рынке сразу в нескольких вариантах. Первый ее вариант написан в 1947 году: за спиной Ленина на трибуне стоят Сталин, Дзержинский и Свердлов — художник получил за нее Сталинскую премию, а картину подарили Мао Цзэду (авторская копия продавалась в Москве на аукционе «Совком» за \$100 тыс.). Но после XX съезда КПСС и разоблачения культа личности художник написал второй вариант, где за Лениным — рабочие и солдат (продан за \$160 тыс.). Интересно отметить, что у западных покупателей большим спросом пользуются (после пионерок) соцреалистические портреты Сталина, нежели Ленина — этот факт проверен многочисленными аукционами московской Галереи Леонида Шишкина.

В «Ленин Кока-Кола» АЛЕКСАНДР КОСОЛАПОВ ЭФФЕКТИВНО СТАЛКИВАЕТ СТЕРЕОТИПЫ ДВУХ МИРОВ (ТОЛЬКО ЧТО ПРОДАНО НА PHILLIPS DE PURY ЗА £8,7 ТЫС.)

Семидесятнический соц-арт вовсю поплясал на костях партии большевиков и ее лидеров. Александр Косолапов, пожалуй, более всего склонен оперировать с символикой и идеологией первых лет советской власти и с образом Ленина, в то время как, например, Леонид Соков очевидно предпочитает фигуру Сталина. Произведения соц-артистов регулярно продаются на лондонских аукционах, а аукционный дом Phillips de Pury посвящает им (вкуче с шестидесятниками и концептуалистами) специальный раздел на аукционе BRIC. Актуальные русские художники тоже неравнодушны к образам вождей: на Первой биеннале современного искусства в Москве в 2005 году одной из главных достопримечательностей была инсталляция группы «Синие носы» с Лениным, переворачивающимся в глубине картонного ящика.

Из западных художников образами русской революции вдохновился только Энди Уорхол — да и то, как и положено главному поп-артисту, только после того, как они были достаточно переварены массовой культурой. Толчком послужили серии портретов китайского коммунистического ли-

дера Мао Цзэдуна, которые Уорхол сделал в начале 1970-х, когда Китай поднял свой железный занавес. От Мао был лишь один шаг до «Ленина» и «Серпа и молота». Варианты этих шелкографий часто появляются на торгах в Лондоне и Нью-Йорке, оцененные по степени редкости. Самым дорогим является Ильич 1986 года в темных тонах, проданный на Sotheby's в 2002 году за £359 тыс.; самый дорогой «Серп и молот» стоил на Phillips de Pury \$5 млн.

Остается упомянуть исторические документы, нумизматику и фалеристику. Автограф Ленина (письмо «товарищу Овсенко») однажды продавался за \$5,5 тыс., первые издания трудов и статей вождя мирового пролетариата могут стоить \$2–3 тыс. У нумизматов пользуются спросом первые советские монеты (20 копеек 1921 года в московской фирме «Монеты и медали» оцениваются примерно в \$1 тыс.); считаются интересными редкая медаль в память Второй годовщины Великой Октябрьской социалистической революции с портретами Маркса и Ленина или значки в честь десяти- и прочих «летий» Октября.

DAMIANI GAVELLO GRISSONI ESCADA Schoeffel PICCHIOTTI Leo Pi550

LOUVRE
LUXE-HOLDING GROUP OF COMPANIES

МАГАЗИНЫ LOUVRE В МОСКВЕ:

БУТИК LOUVRE, ул. Тверская, дом 3 (отель THE RITZ-CARLTON, MOSCOW), т. 981 42 82
ТК ПЕТРОВСКИЙ ПАССАЖ, т. 692 90 47 • БУТИК DAMIANI, ул. Кузнецкий Мост, д. 21/5, т. 626 02 16
КРОКУС СИТИ МОЛЛ, т. 727 19 68 • АТРИУМ, т. 775 23 45 • ТЦ НАУТИЛУС, т. 937 23 98
ТЦ МЕГА, т. 790 77 27

LUXE-HOLDING — ЭКСКЛЮЗИВНЫЙ ДИСТРИБЬЮТОР, т. (495) 725 44 77

Товар сертифицирован. Реклама

WWW.LOUVRE.RU

Культ личности О дизайне коммунистического Китая

Алексей Тарханов |

ВАН КУАНДЖИ. МАТЕРИАЛИСТ

ФАРФОРОВАЯ ФИГУРКА
ХУНВЕЙБИНА

ЧИ ШЕНН.
РЕТРОСПЕКТИВА
ДЮШАНА В КИТАЕ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ДЕТИ
МЕЧТАЛИ О КРАСНЫХ МАШИНАХ

«КУЛЬТУРА культурной революции» — так называется выставка, открытая в Вене в музее народного искусства. Здесь в нескольких залах собраны разные занятые вещицы, относящиеся ко временам культурной революции, прокатившейся по социалистическому Китаю начиная с 1969 года, когда Мао Цзэдун настоятельно предложил молодежи искоренить отсталость в сфере культуры и покончить с четьрьмя пережитками.

Молодежь взялась за это с большим энтузиазмом, тем более что в руки им с головой отдали людей постарше и поумнее. Хунвейбины, китайские «нашисты» искоренили искусство, религию, театр и литературу — все то, что ложилось в теорию четырех пережитков, которые заслуживают уничтожения (старые идеи, старая культура, старые обычаи и старые одежды). Все это, как водится, сопровождалось уничтожением носителей пережитков, и на фотографиях мы видим коммунистическую молодежь, избивающую бывших партийцев, крупных торговцев идеологией с

таким же удовольствием, с каким она расправляется с мелкими торговцами тканей или рисом.

Самое любопытное, что об этом говорится без гнева и осуждения: ведь тема выставки — не та культура, которая была разрушена, не те древние статуи будд или книги, которые горят на площадях, а та культура, которая была создана на ее месте. Причем в основном культура материальная: бытовые предметы, ежедневное окружение.

Окружение не радует. Взамен культурная революция прежде всего производит революционные значки, которые как красные клопы-пожарники усеивают витрину в первом зале. Она производит нарукавные повязки и бесчисленные удостоверения и членские книжки с печатями и лицами, на которых тоже стоит печать в прямом и в переносном смысле. Революционные лозунги изображены на всем — на тарелках, сумках, сигаретных пачках, в любом масштабе — от огромного знамени до спичечного коробка. На первом плане — подушка

с лозунгами: вероятно, чтобы учение Мао усваивалось даже во сне.

Вообще все здесь представленное делится на символические предметы и на предметы бытовые. Символические богаты и разнообразны, как бюсты Мао, выстроившиеся в витрине подобно глиняным воинам, или крупные фарфоровые статуэтки, изображающие солдата или балерину или попираемого ревизиониста. Бытовые предметы чувствуют свою уязвимость и пытаются притвориться символическими — вроде эмалированного блюда с певичей, поющей революционную песню у старорежимного рояля.

Революция снисходительна к сигаретам. Поскольку вождь не раз бывал изображен с сигаретой, а то и с сигарой, пачки курева производятся в несомненном обилии и без всяких нынешних ханжеских угроз о смерти и импотенции, а в здоровом и бодром пролетарском красном цвете.

Людам надо пить чай, и социалистическая культура предлагает им взамен побитого фарфора династии Мин фаянсовые

ПРЕДСЕДАТЕЛЯ МАО
СЛЕДОВАЛО НОСИТЬ
В ГРУДИ И НА

РАБОЧАЯ РОБА ПРЕВРАТИЛАСЬ
В ПОВСЕДНЕВНУЮ ОДЕЖДУ

кружки и чайники с изображенными на них революционными сюжетами. Спасибо уже за то, что сюжеты остаются скорее умиротворяющими. Украшающие чайники солдаты бодрствуют, возбужденные усвоенным теином, но кровавых битв не ведут.

В изобилии представлены знаменитые китайские эмалированные подносы и кружки — то с цветами, то с слозунгами, то с лозунгами среди цветов. В витринах лежит главная и единственная литература, книги Мао в жестких переплетах, чтобы в воде не тонули и в огне не горели.

На это странно смотреть: неужели это убогое творчество способно было вдохновлять художников мира. В этих вещах нет ни выдумки, ни качества, только какая-то лучезарная испуганная тоска. Я помню, как на заре перестройки мы мечтали сделать подобную выставку с шедеврами зрелого советского дизайна, но, попытавшись собрать коллекцию, в ужасе отступились, настолько эти вещи, памятные нам с детства, поразили нас своим жутким качеством и уродским видом.

НА ЭТО СТРАННО СМОТРЕТЬ:

неужели это убогое творчество способно было вдохновлять художников мира. В этих вещах нет ни выдумки, ни качества, только какая-то лучезарная испуганная тоска

Зато такую коллекцию собрал Хельмут Оплетал, с 1973-го по 1975-й — студент Пекинского университета, с 1980-го по 1985-й — корреспондент ORF в Китае. Последняя ее часть посвящена ностальгии по временам Мао, появившейся тогда, когда уже и в Китае он превратился в товарный знак. С одной стороны, этой иронической ностальгии предаются современные китайские авангардисты (вроде Ван Куанджи, производящего вырубленных из дерева «Материалистов»), пишущие издательские полотна, на которых Мао разглядывает фарфоровый писсуар Марселя Дюшана (картина Чи Синина «Ретроспектива Дюшана в Китае»). С другой — безымянные поставщики сувениров вроде наших арбатских торговцев — с той лишь разницей, что их китайщина на редкость точно воспроизводит свое время. Эти новые вещи также грубы и некачественны, как и то, что они изображают. Возможно, в этом и состоит ирония, но я ее не увидел.

*Die Kultur der Kulturrevolution.
Museum für Völkerkunde, Heldenplatz, Wien*

КИТАЙСКИЙ ФАРФОР ВЫРОДИЛСЯ
В ОТЛИВКУ БЮСТОВ НА ВСЕ ВКУСЫ И РАЗМЕРЫ

КУЛЬТ ПРОИЗВОДИТ
ОЧЕНЬ СКРОМНЫЕ
ВЕЩИ

КИТАЙ ПРОСЫПАЛСЯ
ПО НОВОМУ ВРЕМЕНИ

От «Капитала» до будуара Партийная дезорганизация и партийная литература

Лиза Новикова |

РОМАН «2017» Ольги Славниковой получил в свое время премию «Русский Букер». Это было далеко не первое напоминание о символической дате, да и писательское предупреждение о том, что в революцию можно «заиграться» не претендовало на оригинальность. Однако в этом романе не предавали анафеме 1917-й, а заодно с ним и 2017-й. С тех пор действительно все больше авторов, готовых «сердцем слушать революцию», стали конкурировать с теми, у кого она «в печенках».

Опыт плодовитого Александра Проханова уже сигнализировал им о том, как писать не надо. Его протестные ругалы завораживали новичков, но в соотный раз слушать про то, как «огненный ангел» обрушится на грешный «город золотых унитазов», становилось все утомительнее. Новым писателям предстояло конкретно указать, как именно звали «ангела» и каким оружием громили унитаза. Нижегородцу Захару Прилепину стоило лишь застолбить тему и, слегка с вывертом, назвать своего революционного героя «Санька». Прилепин словно осторожничал, подражая то деревенской прозе, то передовицам оппозиционных газет. Поэтому его бедный Саша Тишин и стал потом удобной мишенью для критики. Тем не менее с легкой руки Прилепина «Революция» вновь стала брендом. Сам он составил одноименный сборник, куда включил, правда, тексты о других революциях. Риторикой при этом воспользовался опять же прохановской: «Сколько бы крови и ужаса ни приносили революции, жажда к ним неистребима: как жажда к воде, как жажда к деторождению, как жажда к Царству Божию на земле».

Такой довольно абстрактно понятой идее революции последние годы торопились присягнуть многие авторы. В повести Натальи Ключаревой «Россия. Общий вагон» важно именно настроение страда-

ния. Ее герой, возродивший «странность» князя Мышкина, наивно пытается помочь окружающим его несчастным людям. Кажется, сама Ключарева еще не совсем поняла, чем обернется для ее персонажа эта честность, а тот уже чуть ли не обматерил самого президента. Когда повесть вышла в книжном варианте, издатели заменили «президента» на «подполковника». Жалостливый персонаж Натальи Ключаревой, пожалуй, исключение из правил: революционные герои чаще выходят к нам запятнанные кровью. Максим из романа-комикса Олега Лукошина «Капитализм» убивает своего брата: «Один из нас должен исчезнуть. Должен остаться либо я, либо капитализм». Правда, этот браткапиталист до этого принес в жертву своим нехорошим убеждениям их сестру. Но за ритуальными убийствами сразу приходит та самая революция, так что обдумать семейную драму времени не остается, это же «комикс»: «Не будет больше эксплуатации! Новый мир будем строить! Свободный, справедливый! Господи, какая же жизнь сейчас начнется!» И тут, как и у Прилепина и Ключаревой, в финале упоминают Бога. Так и хочется поправить молодого автора: «Не Господи, а советская власть!»

Протестный разговор требует новых эстетических решений, — об этом догадываются все отважные авторы, решившиеся затронуть революционную тему. Прямо на наших глазах создается монтаж из разных стилей Сергей Шаргунов в повести «Птичий грипп»: новая краска — для каждого из представителей политической палитры, с которым встречается его герой, бесцветный социолог, готовый «перекраситься» хоть в «несогласный» красный, хоть в официальный «бесик». Герою можно и подумать порешать, но вот некоторая писательская неуверенность моментально фиксируется на бумаге. Эта, в принципе, понятная рас-

четливость объединяет многих сочинителей. Они хотят перемен, но скорее потом, может, в 3017-м, а пока им гораздо интереснее зафиксировать здесь, продолжить исследование этого мира, пусть на словах они его и заклеят.

Возможно, писателям и не стоит слишком мучить себя поисками нового слова, потому что эстафету уже перехватили художники, работающие на грани разных жанров, разных видов искусств. То, что такие авторы и объединения, как «Война» или поэт Илья Фальковский и «ПГ», сейчас подвергаются преследованиям со стороны власти, как раз очень показательно. Но и у приверженцев традиционной прозы все равно остается шанс. В ожидании новых шедевров читатели заговариваются нон-фикшн. Кто-то, подобно герою Олега Лукошина, ходит с «Капиталом» Маркса, кто-то предпочитает более современных публицистов вроде Наоми Кляйн.

А пока самым свободным из «революционно настроенных» писателей оказывается Сергей Жадан. Он сочиняет свободную, незажорную, по-настоящему европейскую прозу. Но он украинец, просто переводы его книг «Anarchy in the UKR», «Красный Элвис» идеально вписались в российский литературный контекст 2010-х. Есть и еще один пример последовательного, а оттого и эстетически цельного автора — Эдуард Лимонов. Его последний поэтический сборник «К Фифи» с виду — куртуазная лирика, безделица, созданная, чтобы лежать где-нибудь на розовом тюфячке в полутемном дамском будуаре: «Вы деловиты и развратны / Вы бизнес-woman, аккуратны / Верхи хотят, хотят низы / Как и в библейские разы». Для известного своей наэлектризованной политизированностью автора эротика — это последняя возможность пробудить апатичного читателя, напомнить ему, что желание изменить жизнь, как и некоторые другие желания, требуют немедленного действия «здесь и сейчас».

СМОТРИТЕ, КАК ПРОСТО.

ВЫБИРАЙ. УПРАВЛЯЙ. НАСЛАЖДАЙСЯ.

Представляем Smart*-телевизор LG с поистине «волшебным» пультом управления. Одно движение пультом – и вы смотрите любимые программы, фильмы, интернет-ролики, заходите в социальные сети, на сайты и закачиваете приложения. А благодаря функции Smart Share вы легко сможете просматривать на большом экране телевизора материалы с вашего компьютера и мобильного телефона. Просто выбери, нажми и наслаждайся. Smart-телевизор LG. Смотрите, как просто.

LG Smart TV

на правах рекламы

* Смарт ТВ. ** Обмен данными. *** Интерфейс для передачи данных. **** Технология беспроводного подключения совместимых AV-устройств. Информационная служба LG Electronics 8-800-200-76-76 (бесплатная горячая линия по России). www.lg.ru

VERTU.COM

VERTU

74 ЗАПАТЕНТОВАННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
САПФИРОВОЕ СТЕКЛО 85,92 КАРАТА
СОБИРАЕТСЯ ВРУЧНУЮ ОДНИМ МАСТЕРОМ

LIFE. BEAUTIFULLY ARRANGED.*

ТЦ «Третьяков Плаза» ул. Никольская, д.10, +7 495 225 92 98
Кутузовский пр-т, д.35, +7 495 995 45 45
ТД «ЦУМ», ул. Петровка, д.2, +7 495 223 00 11

* Жизнь прекрасна. Особенно, когда предусмотрено все.
Реклама. Товар сертифицирован.